

БЕЛАРУСЬ ВОПРЕКИ ОЧЕВИДНОСТИ

1.	БЕЛАРУСЬ: ФИЛОСОФСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.....	6
2.	ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА	8
3.	ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ БЛИЗОРУКОСТЬ <i>Передовые саперные части Прибалтийского и Белорусского фронтов наводят мосты и переправы между Востоком и Западом .....</i>	11
4.	ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И КАЗУСЫ	13
5.	КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ АВТОРСКИЕ ПРАВА НА СУВЕРЕНИТЕТ?	16
6.	КРЕАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ СУЖДЕНИЯ <i>Может ли пафос быть творческим? .....</i>	17
7.	ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ <i>Думать Беларусь .....</i>	20
8.	РОДНОЙ ЯЗЫК? СОВЕТСКИЙ	24
9.	МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	27
10.	КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА	33
11.	Журнал «Культурная политика»	41
	ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ В БЕЛАРУСИ: ЗАМЕТКИ ПО ПРОЕКТУ	43

БЕЛАРУСЬ ВОПРЕКИ ОЧЕВИДНОСТИ

- *Что вы там делали на этом перекрестке?*
- Мы думали туман, — ответила Ирма.*
- *Про туман, - поправил Виктор, - или о тумане.*
- Зачем это — про туман? — сказала Ирма.*
- Думать — непереходный глагол, — объяснил Виктор. - Он требует предлогов. Вы проходили непереходные глаголы?*
- *Это когда как, ~ сказала Ирма. - Думать туман - это одно, а думать про туман — это совсем другое... и кому это нужно — думать про туман...*

Стругацкие, «Гадкие лебеди»

1. БЕЛАРУСЬ: ФИЛОСОФСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Беларусь как идея, как объект мысли, как то, существование чего еще предстоит доказать...

Даже у коллег автора, знакомых с образом его мысли, такая постановка вопроса вызывает иногда непонимание, иногда иронию. Что говорить о том, как такая постановка может быть встречена современным общественным мнением в Беларуси (в эмпирической Беларуси, существование которой не требует доказательств и обоснований)? Националистическая интеллигенция руководствуется мировоззрением наивного реализма, для нее существование Беларуси несомненно в силу присутствия некоторых очевидностей: пятой графы в анкетах, бело-красно-белого флага на административных зданиях и т.д. Сама попытка усомнения и поиска доказательства существования Беларуси может быть воспринята носителями такого мировоззрения как оскорбление или провокация. То, что рядом сосуществует альтернативное мировоззрение, тоже исходящее из наивного реализма, отвергаю-

щее существование Беларуси на основе другой очевидности: тотальное отсутствие белорусского языка во всех жизненно важных сферах употребления; марионеточность и игрушечность белорусских властей; утверждения социологов о желании белорусов «вернуться в Россию», корень «рус», из имени белорусов перекочевавший в их самосознание, — националистами в расчет не принимается. Также, как их оппонентами не принимаются в расчет доводы самих националистов. Оппозиция и взаимоисключение двух комплексов очевидности могут сосуществовать, к обоюдному неудовольствию, бесконечно, если не задействовать способность человека к рефлексии, если препирательства в быту, в политике, в массовых газетах останутся единственным пространством обсуждения судьбы и перспектив эмпирической Беларуси.

Данный текст про другое. Довольствующимся очевидностями его читать не надо.

Беларусь — проблема. Такая формулировка появилась в результате размышления автора о Беларуси и рефлексии многочисленных бесед, споров и дискуссий на эту тему, в которых автору приходилось на протяжении двух десятков лет. Если не относиться к словам легкомысленно, то суждение, выраженное фразой: БЕЛАРУСЬ: ФИЛОСОФСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА, актуализирует комплекс смыслов вопросов и сомнений, которые открывают новые возможности для отношения к географическому, культурному, историческому и политическому феномену или уникальному явлению, известному под собственным именем — БЕЛАРУСЬ.

Первые размышления автора о Беларуси относятся к началу 70-х годов, когда подобная тема если и интересовала кого бы то ни было, то не для открытого обсуждения на принципиальном уровне. С тех пор многое изменилось, менялось и отноше-

ние автора к рассматриваемому объекту. Это авторское отношение составляет смысловое наполнение данного текста, а содержанием его является постановка проблемы, вынесенной в название, анализ и критика ее, разворачивание подхода и программы деятельности в рамках поставленной проблемы.

Двигаясь к постановке и формулировке проблемы необходимо начать с анализа самого вопроса, или комплекса вопросов. Что означает приписывание какой либо вещи, поименованной собственным именем, статуса проблемы? Как нужно понимать логическую конструкцию, представляющую собой общеутвердительное суждение, состоящее из логического субъекта, выраженного именем собственным, и предиката, выраженного формальной категорией, употребляемой для объектов мысли или для понятий

и идей? Т.е., что может значить выражение: Беларусь есть проблема?

Первая констатация, возможная при постановке таких вопросов, состоит в необходимости рассмотрения Беларуси не как вещи, данной в ощущениях, доступной очевидности и наделенной статусом натурального непосредственного бытия, а как идеи. По отношению к идее Беларуси правомерен и законен вопрос о существовании. Существует ли Беларусь как идея, как то, что доступно не только очевидности, не только опыту проживания и деятельности, но умозрению, разуму и логике? А стало быть - как то, что подлежит разумному управлению, исследованию, проектированию, построению и развитию.

Собственно проблемность в философском аспекте и есть усомнение и критика существования чего-то. Взятие чего-либо в качестве философской Проблемы с необходимостью требует доказательства бытия или существования этого, или небытия и несуществования, а также необходимых и достаточных условий этого бытия, или небытия. Усомнение и доказательство бытия и существования идеи, объекта мысли и деятельности составляет онтологическую сторону философской проблемы.

Но есть еще и прагматическая сторона. Это критика и анализ телеологической, аксиологической и этической действительностей существования объекта. Попросту говоря, если обосновано принципиальное существование Беларуси, то - кому, зачем это существование нужно, и что оно значит для жизни, мышления и деятельности человека? Чем и как различаются жизнь и деятельность людей при существовании или несуществовании Беларуси?

Кантовское доказательство бытия Бога не отменяет и не заменяет онтологического доказательства этого бытия, оно просто лежит в другой действительности. Онтологическая и прагматическая стороны философской проблемы в результате анализа и критики могут быть не только различены и разделены, но могут быть отображены друг в друге, или «вывернуты друг через друга».

Чтобы не вдаваться в технику того, как это может быть реализовано, сошлемся на перефразированный прецедент французского философского цинизма XVIII века: если бы Беларуси не существовало - ее следовало бы придумать.

Методологический модус проблемности, снимая философский аспект, предполагает иную постановку вопроса: что и как можно делать с объектом, взятым в необходимых и достаточных условиях его существования, или в его «представленном», «присутствии (dasein)» для той или иной деятельностной позиции? Как его можно и нужно мыслить? Методологический модус проблемы также имеет свою прагматическую сторону. Методологическая прагматика раскладывается не на действительности телеологии, аксиологии и нравственности, а на рамки подходов и ориентиров. Методологическая прагматика конкретно ситуативна: Беларусь можно мыслить в рамке выживания (актуализируется тем самым все, что связано с бременем Чернобыля и фобийным архетипом геноцида Второй мировой войны), в рамке развития, в рамке антиимперского стояния Великого Княжества Литовского на восточной границе христианского мира и европейской цивилизации.

В каждой из этих рамок Беларусь мыслится по-разному,

2. ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Для начала разберемся с тем, как можно в мышлении и знании иметь дело с единичными объектами.

Со времен Аристотеля известно, что логика, мышление и знание обращены в первую очередь на всеобщее и универсальное. Аналитики и Топика Аристотеля, рассматривая простое суждение типа - А есть В, трактуют квантор «есть» или «быть» как то, что задается по-разному в направлениях от логического субъекта к предикату и обратно. В направлении от субъекта к предикату квантор «есть» трактуется как принадлежность к классу объектов, наделенных статусом существования, а от предиката к субъекту - как подведение под понятие, что только и придает статус действительного существования логическому субъекту.

Лошадь есть животное, она есть постольку, поскольку есть животное. Если мы глядим на Буцефала и распознаем в нем лошадь, он и есть лошадь, но основанием его лошадиного существования является принадлежность лошадей к классу понятий - животные. Связь формальной аналитики с онтологией не очень понятна без мысленного эксперимента с использованием аристотелевской силогистики, как единственного средства античного мыслительного экспериментирования.

Представим себе, что Буцефала вводят в члены Сената. Сенатор есть патриций. Патриций есть римлянин. Римлянин - человек. Сенатор - человек. Буцефал - сенатор. Человек не есть животное. Сенатор не есть животное, но тогда и Буцефал не животное, и конечно же не лошадь. "

Если, конечно, некоторые сенаторы не лошади, или что-нибудь похуже.

С таким частноутвердительным или частноотрицательным суждением греки и римляне согласиться не могли (иначе разрушился бы их космос и таксис - естественный порядок мира и искусственный порядок полиса и государства). Аристотель понимал, что способы и методы мышления, изложенные в его трактатах, не способны избавить от таких парадоксов. Единственный выход из этой ситуации, который он мог предложить - это запреты: на использование имен собственных в построении суждений, и единичных

объектов, обозначаемых этими именами в мышлении. Греки и римляне старались следовать этому запрету, а в средние века об этом забыли. Недоучившиеся логики темных веков, после распада античной цивилизации, стали рассматривать как правомочные суждения типа: Сократ - человек и Буцефал - лошадь, что было абсурдным и наивным с точки зрения Аристотеля. (Как и суждение: Беларусь - государство или республика, или территория и т.д.).

Аристотель точно знал: Александр может оседлать Буцефала и скакать на нем, но мыслить он может лошадь (еще лучше - лошадность), но не может оседлать лошадность или мыслить Буцефала.

Соответственно - то, что нельзя мыслить, не существует в действительности.

С Буцефалом легко расправиться таким образом. Но средневековые схоласты интересовались не Буцефалами. Их интересовал Бог. Для греков бог был общим понятием, бог существовал в действительности как идея, как божественность, а Зевс, Дионис и прочие - это объекты поклонения и суеверия, можно и Буцефалу поклоняться, точнее в образе Буцефала поклоняться божеству.

С христианским Богом так поступать нельзя. Онтологическое доказательство бытия бога (можно помыслить божество, следовательно оно может выступать предикатом в суждении: нечто есть божество, следовательно божество является основанием существования этого нечто в качестве божества, следовательно божество существует в действительности) с формальной логической стороны устраивало схоластов, но не могло устроить со стороны веры и содержательного отношения. Такое доказательство не может ответить на вопрос: почему необходимо верить в Бога Ветхого и Нового Заветов, и не нужно верить в Зевса и Ваала? Если Бог Завета существует в силу онтологического доказательства бытия бога, то такой же статус и у Ваала, а если Бог существует без доказательств, то какова цена этим доказательствам? Существуют ли в таком случае сами идеи. Бог есть, это очевидно по вере (см. апологетику Тертулиана: *credo que absurdum est*), но существует ли идея бога, существует ли реально божественность?

Так поставленная в схоластике проблема существования идей или универсалий имела большой успех, и популярность ее продолжалась несколько веков. Последующие мыслители расценили всю работу над этой проблемой как бесплодное умствование, слово «схоластика» стало бранным. Может быть эти мыслители и правы в чем-то, но проблема осталась и усложнилась.

Основным эффектом обсуждения в схоластике проблемы универсалий стало не решение самой проблемы, а интенциональный поворот разума от универсалий к их экземплярикам, к единичным проявлениям всеобщего. От действительности разум остался прежней: А есть В, остался вопрос об истинности каждого такого суждения, изменились направленность интереса и содержание размышления о том, что стоит за субъектом и предикатом логического суждения. Если А - реальный Бог (един в трех лицах..., см. дальше никейский Символ веры), а В - действительный бог, или идея бога, то, что означает тождество того и другого? Истинно ли это тождество? В такой постановке вопроса квантор существования не может рассматриваться как подведение реального экземплярика под действительное понятие без исследования субъекта логического суждения, а предикат суждения не может больше выступать основанием существования субъекта.

Если неизвестно, существует ли идея божественности, то как мы можем знать, что то, во что мы верим - есть именно то, во что мы верим, что Бог это бог. После схоластики квантор «есть» в общеутвердительном логическом суждении перестал быть асимметричным, его нельзя больше трактовать по-разному от субъекта к предикату, но нельзя трактовать и как тождество субъекта и предиката, поскольку они принадлежат разным пространствам: действительности и реальности. Общеутвердительные суждения стали гипотезами и перестали быть ответами и элементами доказательств. И субъект, и предикат логического суждения существуют отныне как возможность, а их реальность и действительность остается всегда под вопросом.

Логическая форма суждения (А есть В) начинает читаться так: предположим, что реально существует Л а в действительности оно есть В. В дано разуму и мышлению, а А опыту и наблюдению. А есть В, поскольку В наблюдаемо в А, но А есть (существует) не потому, что есть (существует) В, а потому, что мы раз от разу наблюдаем В в А; существует ли при этом В само по себе - не важно. Важно, что В, данное в мышлении, наблюдаемо, что оно наблюдаемо в А, данном наблюдению непосредственно, и что это наблюдение можно повторить в любом А (А_i, А_j и т.д.).

Из такой схоластики рождаются два фактора, на несколько веков определивших европейскую цивилизацию: инквизиция и эмпирическая наука. Инквизиция и наука повернуты лицом к конкретному, единичному с тем, чтобы наблюдать в нем всеобщее и универсальное: законы, принципы, идеальные объекты. Инквизиция была принята Европой сразу, поскольку интересовалась жизненно важными проблемами для средневековой и ренессансной культуры: является ли экземплификат тем, за что себя выдает, или за что его принимают. Инквизиция могла обходиться без теории, поскольку набор предикатов логических суждений, которые ее интересовали, был задан и давно определен в разуме: Бог - дьявол, святость - грех, догмат - ересь. Можно было заниматься непосредственно конкретикой. Наука же долго пребывала в младенчестве, усилия многих поколений ученых ушли на то, чтобы оснастить действительность науки идеальными объектами, формулировками законов, онтологиями и принципами, прежде чем науке стали доступны объекты реальности. Работа в пространстве действительности, с объектами действительности, требовала иного чем у схоластики и инквизиции метода и подхода, поэтому методологи науки (от Галилея, Бэкона и Декарта до Поппера и Фейерабенда) разрабатывали этот подход. В рефлексии Гегеля весь методологический план оформления науки как мышления и деятельности с экземпляриками, единичными объектами, оформился как метод восхождения от абстрактного к конкретному, или в наших терминах - от универсального к экземплифицированному. Но ведь в полном соответствии с гегелевской версией диалектического развития по спирали, метод восхождения от абстрактного к конкретному на новом витке повторяет мышление по Аристотелю. Абстрактное выступает основанием существования конкретного, а принцип фальсификации Карла Поппера повторяет сомнения схоластов-номиналистов в реальности универсалий. По Попперу, наука, сталкиваясь с существованием реального единичного, проблематизирует содержание абстрактного и универсального в действительности. Если греки, схоласты-реалисты и сциентисты-романтики в ситуациях, когда теория и факты, абстрактное и конкретное противоречат друг другу, говорили: «Тем хуже для фактов», то после Поппера и Куна так сказать уже нельзя. Тем самым вызываются к жизни новый ⁴ номинализм и новая постановка проблемы единичного и универсального, а также ставится проблема метода работы с единичным и мышления о нем.

В аристотелевском, реалистическом и научном мышлении единичному и экземплифицированному отводится строго фиксированное место и задаются

узкие рамки существования. Экземплификат попадает в пространство мышления только как пример, казус, прецедент или фаю* наблюдения, побуждающий, организующий и направляющий мысль к всеобщему и универсальному. Мышление подводит экземплификат под универсалию, уничтожая тем самым его как нечто уникальное, единичное. Номиналистическая установка поворачивает мышление к единичному во всей его уникальности и единственности, но будучи бессильной помыслить его как единичное, поскольку располагает только методом мышления об универсальном, начинает разрабатывать новый метод и в процессе этой разработки превращается в свою противоположность - в реалистическую установку. Так поиск единичного и метода ухватывания уникального и экземплифицированного превращается в бесконечный сизифов труд, в дурную диалектику. Схема выхода из этого круга может быть предложена в самом общем виде и сформулирована в разных подходящих и методологических языках по разному. Сформулируем ее коротко в языке этого фрагмента (т.е. не отступая далеко от языка схоластов). Реалистическая установка может быть представлена в языке схоластов первой интенцией (*intentia prima*), смысл которой в полагании объектов в пространстве действительного существования, или в полагании и наполнении ядер содержания в заданных рамках. Номиналистическая установка, соответственно, представляется как вторая интенция (*intentia secunda*) смыслом является полагание новой

действительности (или реальности - в конкретно исторической версии этого полагания), или полагание рамок и рамочных конструкций, в которых могут появляться ядра содержания при возврате к первой интенции и к реалистической установке. Таким образом, проблема существования универсалий и экземплификатов выворачивается в организационно деятельностный план и может быть сформулирована как задача комплексирования и замыкания друг на друга первой и второй интенций, реалистической и номиналистической установок. Соответственно, метапространство, в котором возможно такое комплексирование и конфигурирование интенций и установок, предполагается как удерживающее три подпространства:

1. Парадигматика - пространство размещения содержательных ядер - объектов действительности и реальности;

2. Синтагматика - пространство рамочных или формальных, а также содержательных или объектных логик и языков;

3. Прагматика - пространство размещения самих рамок, установок и интенций, целей, ценностей и задач.

О том, как это все может быть устроено, в каком космосе это может быть осуществимо, и в каком таксисе реализовано, поговорим ниже, когда речь пойдет о том, мыслима ли Беларусь как реальность и действительность (раздел «Методологическая проблема»).

3. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ БЛИЗОРУКОСТЬ

Передовые саперные части Прибалтийского и Белорусского фронтов наводят мосты и переправы между Востоком и Западом

Когда рассудку приходится иметь дело с единичным объектом, самая обычная процедура, которая применяется при этом - подведение под некоторое универсальное понятие.

Беларусь как географическое понятие, как историческое понятие, административное, политическое, этнографическое, если угодно - экологическое, а также поэтическое, метафорическое и т.д. Взятый в рассудке единичный объект помещается в предметную действительность, и там он перестает существовать в своей единичности и уникальности. Проведем на географической карте Европы линию, соединяющую Москву и Варшаву. Один из отрезков этой линии будет проходить по пространству с именем Беларусь. Есть такая территория. Но если убрать административные границы, проезжающий вдоль упомянутой линии не заметит, не сможет заметить переходов от территории России к Беларуси, от Беларуси к Польше. А без административных границ территорию Беларуси можно разместить между нечерноземной полосой России на востоке и Подляшьем и Мазовией на западе. Тогда, может быть, это и не Беларусь вовсе, а Полесье со смежными районами или Северо-Западный фай — если глядеть из Москвы, или Восточные Кресы - глядя из Варшавы.

Территории составляют предметность географии, но номинация территорий и появление или стирание

территорий с географической карты осуществляется не из предмета географии. Можно предъявлять претензии к географам, что они непоследовательны в принципах нанесения территорий на карту. Одни карты у них состоят из нагорий, равнин, бассейнов рек и т.д., другие разрисованы государственными границами. Можно удивляться легкомысленности людей, которые не хотят жить в бассейнах рек, на плоскогорьях и низменностях, они норовят жить в Польше или в Мазовии, во Франции или в Провансе. Некоторые умудряются жить в Прибалтике, Средней Азии, СНГ или в Тироле, на Полесье, в Приднестровье, на Кубани, которых на карте нет, но не в Латвии, Узбекистане или в Беларуси, которые есть на карте. Если бы географическая карта была мерой всех вещей - проблем было бы меньше. Но если человек есть мера всех вещей - существующих в том, что они существуют, и несуществующих в том, что они не существуют - проблем становится больше, а сами они - сложнее. Предмет географии и географическая карта - место существования родовых понятий с видовой спецификацией типа координат и высоты над уровнем моря.

Существование чего-то на карте вовсе не доказывает существования этого в жизни и деятельности людей.

через Нарвский мост, тоже не важно, каким цветом он помечен на карте, но им не важно и то, что он лежит на линии кратчайшего расстояния между двумя точками. Люди интересуются условиями переправы, законами и правилами, опасностью и ценой. Но все это отсутствовало на мысленной карте докладчика. Насколько мне известно, в год проведения упомянутой конференции Эстония была мостом между Востоком и Западом только для переправы денег в оплату продаж цветных металлов, сами же металлы и люди ездили через другие мосты, там, где действительно короче, дешевле и безопаснее.

Для меня было очевидным другое. Слова «Восток» и «Запад» позаимствованы из географического словаря для обозначения двух различных социально-экономических укладов и систем ценностей, поэтому мосты, тоннели и каналы между ними не могут быть нарисованы на карте, так же как и барьеры между ними не географические.

***

Петербургские дамы у Лескова одобряли план передачи Нарвы немцам, поскольку тогда «за границу ближе ездить будет».

***

Фронт есть линия, разделяющая два противоположных лагеря или пространства. Саперы, преодолевая эту линию, наводят мосты с одной из сторон линии фронта. Прибалты проводят линию фронта по восточной границе своей подконтрольной территории и наводят мосты через нее. Они определяются как авангардные части Запада. А беларусы? Линия фронта до сих пор проводилась через Гродно и Брест, сегодня она продлена до Браслава. Т.е., вроде бы, беларусы однозначно определяются на Восточной

стороне. Вот только являются ли они авангардом Востока? Мне же представляется, что Беларусь - большая нейтральная полоса, без самоопределения. Если Редьярд Киплинг прав, и «Запад есть Запад, Восток есть Восток - и им никогда не сойтись», то они вечно будут топтаться на нейтральной полосе, вытаптывая на ней цветы, каждую четвертую березку, а на вытопанной Земле будет прорасти чернобыль. j

***

Ограничиваться в рассмотрении единичного предметным знанием значит обрекать рассмотрение на абстрактность, односторонность, неполноту, потерю уникальности и существа объекта.

Беларусь характеризуется формальными признаками и атрибутами различных предметов: территория, государство, нация, культурный регион. Обо всем этом можно прочесть в книгах, справочниках, путеводителях. Есть книжная география Беларуси, экономгеография, история есть, разделы языкознания, изучающие белорусский язык, есть международные договоры, подписанные должностными лицами БССР и РБ, и многое другое. Но все это представляется иллюзорным, когда разговариваешь с беларусами - депутатами Верховного Совета, министрами правительства, когда ходишь по улицам белорусских городов, пользуешься ирреальными беларускими деньгами. В действиях людей, в отношении их к себе и своей деятельности Беларусь выглядит совсем не так, как в книгах. Граница между Востоком и Западом проходит в пространстве, которое не может быть прописано в географии.

Это пространство - не территория.

А что оно такое, еще необходимо выяснить, как У и то, каково место Беларуси в этом пространстве.

4 ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ И КАЗУСЫ

Существование белорусов в истории дискретно, они то существуют, то нет. Это народ, для которого справедлива теория метемпсихоза. Беларусь вызываются к жизни, «оживают», только тогда, когда их «призывают» на войну с русскими, или когда нужно

Сопrotивляться полонизации. Это значит, что Россия является метафизическим условием бытия или "небытия Беларуси, или - Беларусь не сгинет, пока

- Польша на нее будет претендовать. Что же есть такого у поляков и русских, и чего нет у белорусов, что Россия и Польша могут существовать сами по себе, независимо от существования Беларуси, а Беларусь без них - нет? Что будет с белорусами, если Россия станет мирной страной и прекратит имперскую экспансию, а Польша не будет претендовать на белорусскую территорию и язык?

***

Платон придумал Атлантиду, Томас Мор - Утопию, Шелягович — Палісьсе. Бисмарк придумал Германию, Сталин - Советский Союз. Где-то существуют Эльдorado, Шамбала, Гиперборейское царство, Левант, Тартария, Византия, Скифия, Королевство обеих Сицилии (а также они обе в отдельности), страны басков и ятвягов, Черная, Белая, Красная и

еще какие-то Руси. Еще бывает Священная Римская Империя Германской нации, куда не входили ни первый Рим, ни Второй (Константинополь), ни Третий Рим (Москва), ни народы «германской нации», живущие в Остзейских землях. Еще был Третий Рейх арийской расы, против которого воевали в составе союзнических войск арийцы(настоящие, хотя и «неистинные») - мусульмане, сикхи и индусы, будучи подданными Британской империи.

Всякое бывает в этом мире.

И Беларусь была членом Организации Объединенных Наций с 1945 года.

Всякое может быть в этом мире. Может быть Черноморско-Балтийская Федерация, о которой мечтает Беларуский Народный Фронт «Адраджэнне», может быть Славянский Соборный Союз белорусских-русских, великорусских-русских, украинских-русских и русинских-русских — по чаяниям Славянского Собора «Белая Русь».

Беларусь была Литвой, Беларусь была Белой Русью. Беларусь была Северо-Западным Краем. Беларусь была Восточными Кресами.

Беларусь была? Беларусь есть? Беларусь будет?

На глобусе истории, как масляные пятна на воде, возникают, растут, меняют форму и очертания, исчезают: империи, федерации, королевства и республики. Литва, Новогрудское княжество, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, Российская Империя, Советский Союз. Каждому такому образованию в истории отведено свое время, чему-то три века, чему-то 73 года. Что реальнее, что действительнее? Что исчезло навсегда, что может быть восстановлено, и что может возникнуть такое, чего не было никогда? Перенесем временную развертку исторического глобуса на видеопленку и прокрутим несколько раз туда и обратно в ускоренном и замедленном темпе. Прокрутили быстро и обнаружи-

ли, что на месте бывшей Российско-Германской границы возникли и разрослись два пятнышка: Польша и Литва. Крутим назад - промелькнули и исчезли еще какие-то пятнышки. Крутим медленнее и присматриваемся - были они, или только нам показалось? Беларуская Народная Республика, Беларуско-Литовская Республика - промелькнули и исчезли. Были они или не были в истории. Были они реальными, или это только эффекты смешивания фасок крупных пятен: Польши и России? Какой срок видимости пятнышка в таком мультимедиа достаточен, чтобы точно сказать — это было, это не ошибка: месяц, год, век? Почему 73 года существования СССР делает его реальнее, чем несколько веков существо-

---

вания Великого Княжества Литовского, или несколько месяцев Белорусской Народной Республики?

А может быть дело не в длительности существования, а во временной последовательности? СССР был после ВКЛ и БНР - поэтому реальнее. Почему тогда не признаются реальными Беловежские соглашения? Ведь подписавшие его Республика, Беларусь и Российская Федерация следуют во времени после СССР.

***

По сообщениям в средствах массовой информации Республики Беларусь, 3 июля 1994 года в день празднования 50-ти летия освобождения Минска частями Советской Армии от фашистской оккупации ветераны Советской Армии (ветераны армии «несуществующей» страны) во взаимодействии с частями МВД и ОМОН РБ заняли оборону на подступах к обелиску Победы на Площади Победы в столице Республики Беларусь г. Минске и не допустили проникновения на занимаемые рубежи колонны противника, состоявшей из сторонников БНФ и ветеранов той же Советской Армии, но «наступающих» под бело-красно-белыми государственными флагами Республики Беларусь. Сообщений о жертвах и потерях с обеих сторон не поступало. Инцидент закончился полным торжеством порядка, демократии, абсурда и памяркоунасці

Ну, и слава Богу, лишь бы не было войны.

***

23 июля 1994 года на внеочередной сессии Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики, принявшего весной того же года Конституцию Республики Беларусь, первый Президент Республики Беларусь, избранный в соответствии с этой Конституцией, принял присягу на верность народу Республики Беларусь и поклялся защищать суверенитет названной страны. После принятия присяги Президент попросил Верховный Совет, депутатом которого он был избран в соответствии с Конституцией Белорусской Советской Социалистической Республики в 1991 году, снять с него полномочия народного депутата Верховного Совета Республики Беларусь. Оба Верховных Совета удовлетворили просьбы депутатов, один из которых был единственным, сохранившим верность Белорусской Советской Социалистической Республике и голосовавшим против ратификации Беловежских соглашений, другой только что стал Президентом страны, поклявшимся охранять ее суверенитет. Ни один, ни другой народный депутат не меняли своих взглядов и Позиций. Один проводил предвыборную президентс-

кую кампанию на критике Беловежских соглашений и на идее объединения с Россией и Украиной, т.е. против суверенитета, другой выступал «против» апрельского договора об объединении денежных систем с Россией как противоречащего Конституции суверенной Республики Беларусь, и «за» сентябрьский договор 1993 года, подписанный до принятия упомянутой Конституции, потому не могущий ей противоречить.

3 августа того же года Республика Беларусь и Российская Федерация подписали договор о ненападении друг на друга. При этом, численность российских войск на территории РБ сопоставима с численностью белорусской армии, а социологи утверждают, что большинство населения РБ желает: либо восстановления СССР, либо объединения с Россией, либо вхождения в состав России.

Жыве Беларусь! Живут же люди?!

***

«К белоруссам национальное сознание пришло почти как непрощенный дар русской революции.» ДС.Мирский, «Россия, социальная история», - М., 1932г.

«Это был, возможно, наиболее крайний, во всяком случае в Европе, пример обращения к принципу самоопределения наций с целью не столько удовлетворить, сколько вызвать национальное самосознание.» Эдвард Карр, «История советской России», кн. 1,- Лондон, 1950г.

Эдвард Карр знает, что говорит. Многие в самой Беларуси думают так же. В Европе это, может быть, был действительно крайний случай, но для Советского Союза это — обычная практика Иосиф Сталин был корифеем многих наук, но особенно он преуспел в языкознании и в национальных вопросах. Способ его мышления прост и фундаментален, как всякое знание на уровне 3 класса начальной школы. Каждой вещи/ в мире отведена своя ячейка. Все в мире можно по ячейкам разложить. Все ячейки устроены по принципу формально-логического деления: природа поделена на типы движения материи; история — на формации;! политическое устройство - на капитализм и социализм; люди - на классы и нации. С последним делением все получается смешно, зато просто и понятно. Каждого человека можно приписать к какой-нибудь нации и к одному из классов. Представить себе, что человек может осознавать себя не принадлежащим к классу и нации, в такой системе мышления нельзя. Если люди мыслят себя как-то по другому (например, мусульманами, староверами, родами и т.д.),- значит, они недоразвиты, чего-то

недопонимают. Исходя из такого представления были созданы новые нации, например, в Туркестане из бухарцев, хиванцев и кочевников - таджики, узбеки, и т.д. Так же поступили и с беларусами.

Сталин ничего не делал зря. Зачем ему нужны были беларусы и их государственность? Ответ прост - нужно было вытравить из истории память о Великом Княжестве Литовском. Наследство Княжества передается этническим литовцам вместе со столицей Вильно, ставшем Вильнюсом. Идея его восстановления, которая доставляла Российской империи много неприятностей в XIX веке, дискредитируется через акцентирование его противостояния православию и России, как оплоту ортодоксального православия, через создание мифа о постоянном стремлении православных беларусов к воссоединению с Россией, которое наконец-то осуществилось.

Чтобы земли бывшего Княжества не были заражены оппозиционностью к имперской политике СССР, нужно: объявить Великое Княжество Литовское орудием ополячивания православных; самих православных отождествить с этносом, а не с конфессией; язык беларусов привести в соответствие с марксистско-ленинско-сталинской теорией происхождения язы-

ков; городское население, интеллигенцию и аристократию ВКЛ оторвать от крестьянского этноса и объявить поляками и литовцами. Все это с успехом удалось реализовать, устранив из исследования и образования все источники и документы, противоречащие такой «исторической» версии. Но беларусы и литвины сами виноваты. Они не создали своей истории, своей теории государства, не исследовали свой язык и его происхождение, не культивировали его.

Джорж Орруэл прав. История переписывается, язык переделывается, а вместе с ними переделывается сознание, самосознание, менталитет. В XX веке, при умелом обращении с социальными и гуманитарными знаниями, создание наций, идеологий, менталитетов и т.д. становится «делом техники». К 1944 году Белорусскую Советскую, Социалистическую Республику можно ввести в ООН, поскольку она уже своя, ручная и послушная. Она будет оставаться такой долго, даже после развала СССР.

Есть ли в Беларуси то, что можно противопоставить сталинской гуманитарной инженерии?

5. КОМУ ПРИНАДЛЕЖАТ АВТОРСКИЕ ПРАВА НА СУВЕРЕНИТЕТ

Сотворил Бог Беларусь и увидел, что это хорошо, но людям она не понравилась. Тогда Бог изгнал людей из Беларуси, и затосковали люди без нее, и пошли искать ее, бродя в тоске и печали по волнам своей памяти, в потоке слез и соплей национальной свядомасти, или в кумачовом потоке демонстраций интернациональной солидарности трудящихся. Бог дал беларусам язык, и Скарына принес его им, а они отдали его другим. Бог дал беларусам право и закон, и Сапега принес его им, но они нарушали его, забывшись в шляхетской гордыне. Бог дал беларусам столицу, но они сделали ее яблоком раздора трех соседних народов и покинули ее. Бог дал беларусам землю, текущую молоком и медом, а они смотрят с завистью на сибирские болота, текущие нефтью. Бог дал беларусам веру, но они предпочитают слушать чужих пастырей. Бог посылал беларусам героев и гениев, а они отправляли их служить другим народам, почитая между собой преступников и злодеев, своих и чужих, ставя им памятники и позволяя учить себя. Как вернуться людям в Беларусь, путем Кирилла Туровского или путем Святополка Туровского Окаянного? И по проспекту Франциска Скарыны не пройти к храму и к Беларуси, если он по прежнему ведет от памятника Ленину через Советский район в Первомайский, плавно переходя в Московское шоссе.

***

Одни рождаются великими, другие добиваются величия, а иным величие жалуется - кажется так грезил о величии шекспировский недотепа Мальволио. Ему повезло, он не родился беларусом. В этом случае он бы и грезить не смог о величии. Одни страны издревле были суверенными, другие добиваются суверенитета, а Беларусь суверенитет пожалован. Вслушайтесь! Предоставлен суверенитет. Горбачев развалил Союз и обрёл Беларусь на сиротскую (суверенную) долю. Мыслимое ли это дело: получить суверенитет вопреки желанию.

***

- Вот какие басни Лафонтена приходится мне выслушивать! Подбросили четыреста долларов! Вот вы все здесь - валютчики, обращаюсь к вам как к специалистам: мыслимое ли это дело?

- Мы не валютчики, - раздались отдельные обиженные голоса в театре, - но дело это немислимое.

- Целиком присоединяюсь, - твердо сказал артист, - и спрошу вас: что могут подбросить?

- Ребенка! - крикнул кто-то из зала.

- Абсолютно верно, - подтвердил ведущий программу, - ребенка, анонимное письмо, прокламацию, адскую машину, мало ли что еще, но четыреста долларов никто не станет подбрасывать, ибо такого идиота в природе не имеется, — и, обратившись к Никанору Ивановичу, артист добавил укоризненно и печально: - Огорчили вы меня, Никанор Иванович! А я-то на вас надеялся. Итак, наш номер не удался.

М.Булгаков

***

Личная просьба автора. Не рассказывайте никому о насильственном выбрасывании Беларуси в суверенитет. Люди смеяться будут, а номер все равно не удастся.

***

Суверенитет - из разряда вещей, которых невозможно не желать. Если в Беларуси на каждом углу кое-кто говорит о том, что нам суверенитет не нужен — значит это кому-то нужно. Насильно можно отнять суверенитет, но нельзя насильно его дать. Добровольно можно взять суверенитет, но нельзя добровольно его отдать. Такое часто случается с гуманитарными понятиями. При неосторожном обращении с ними в логике они исчезают, как мираж. Можно дать кому-то землю, но хозяином (сувереном) на ней он может стать только сам. Навязанный суверенитет и добровольно отданный суверенитет — несуществующие понятия, как круглый квадрат, как мокрый огонь. Тот, кто так обращается с понятиями, либо не в своем уме, либо изощренный лжец.

А в Беларуси такие номера проходят.

6. КРЕАТИВНАЯ СПОСОБНОСТЬ СУЖДЕНИЯ

Может ли пафос быть творческим?

Полонез Огинского - музыка, удовлетворяющая широкий спектр эстетических критериев, ласкающая слух. Но нигде это сочинение Огинского не пользовалось такой популярностью, как в Беларуси. Оно и понятно, под эту музыку Беларусь два долгих столетия прощалась с Родиной. Без патриотической экзальтации, но тихо грустя, принимая кончину Великого Княжества как естественную, наступившую в назначенный Богом срок. Кто напишет столь же достойную песнь «На встречу с Родиной»? Будет ли это первый Канцлер действительной Беларуси, как Михаил Огинский был одним из последних министров (подскарбием) реального Княжества, или кто-то другой? Я этого знать не могу. Я знаю когда это произойдет — когда белорусский разум выдвинет идею действительной Беларуси и выложит ее в реальность. "Хотелось бы еще, чтобы эта песнь была не полонезом, мазуркой, полькой или краковяком (сколь-ко можно петь под польскую «дуду»), а чем-то оригинальным.

***

Кампании Костюшко и Калиновского с Врублевским потерпели поражение не потому, что их не поддержали крестьяне, а потому, что они не были {обеспечены творческим интеллектом. Война в Европе не может быть выиграна стороной, которая воюет за восстановление «прошлогоднего снега», для победы нужна перспектива будущего. А будущее нельзя спеть и сплясать, его нужно промысливать и проектировать, и нужно уметь это делать. Беларусь мыслима только как европейская страна, и немыслима как улус Орды. Польша могла раздвигать свои границы на восток, и jгго останется делом самой Польши. Европа может продвинуться на восток только посредством возникновения европейских стран Беларуси и России. Перспектива будущего для Беларуси - это будущее в Европе. Солдаты Костюшко умирали «За нашу и вашу свободу». Беларусь свободна стать европейской страной и несвободна (вынуждена) пребывать в азиатчине. Нужно спроектировать свободу в Беларуси и промыслить условия ее реализации. Сначала свободным становится мышление, потом оно делает

свободным все остальное. Но мышление не может не быть свободным, иначе оно уже не мышление. Петь с чужого голоса и чужими словами можно, но мыслить нельзя. Если Беларусь несвободна в выборе пути своего развития, значит ее мышление несвободно в промысливании этого пути, значит она несвободна (не может) мыслить, значит она не мыслит.

Солдаты Костюшко умирали «За нашу и вашу свободу!». Если они умерли не зря, то жить нужно «За наше и ваше мышление».

Умирают с пафосом, можно и с песней на устах. Но мыслить с пафосом...

Когда поют - не мыслят, когда мыслят - не поют.

Мышление - черная будничная работа, без пафоса и без экзальтации. Пафос там, где ворочают горы, где шумят митинги, где умирают за будущую (еще не достигнутую) свободу. Нет истины и мысли в речи, если у оратора горят глаза, слова льются плавно и звучат красиво. У мыслящего - потухший взгляд, глаза скользят поверх очевидности, слова выискиваются долго и мучительно, произносятся с сомнением и звучат коряво.

***

У Платона слово «поэзия» было бранным.

***

У знаменитого математика спросили, что стало с одним из его учеников.

- Он стал поэтом, для математики у него не хватило воображения.

***

Пою мое отечество, которого нет, чтоб его никогда и не стало.

***

Если вы слышите в казематах половецкого хана: «О дайте, дайте мне свободу!», а на улицах стольного града: «Ура! Свобода!» - смело можете заключить, что условия содержания узников и там, и там - одинаковые.

***

Термин «творчество» давно узурпирован теми, чья способность суждения базируется на пафосе, чья деятельность имеет своим материалом чувства, переживания и эстетические отношения, а объектом - экстаз и катарсис. Эти материал и объекты не хуже и не лучше других, нужно только понимать в каких рамках и в какой действительности такой материал и такие объекты существуют.

Можно представить себе машину, государство, Янку и Ганку объектами переживания, любви, ненависти или страдания. Так же можно представить и Беларусь. Можно и само переживание представить как деятельность, а значит как то, что имеет продукт, как то, что творит и воплощает нечто в чем-то. Янка любит Ганку, эта любовь имеет своим продуктом страдание Янки, если Ганка об этом не знает или не любит его сама. Любовь как творчество творит нечто в сознании (душе) одного человека, например, ощущение страдания или счастья, но чтобы сотворить эти же продукты в сознании (душе) другого, любовь должна быть пропущена через нечто ей противоположащее, нечто, что не является любовью, например через общение. Без общения с другим человеком, без опосредования коммуникацией деятельность сознания не может творить что бы то ни было вне самое себя. Янка поет серенаду Ганке и добивается от нее того, чего не смог добиться Костя Остенбакен от подруги своего детства Инги Зайонц - любви. Деятельность сознания может творить в сознании. Этим ограничиваются творческие возможности и ресурсы сознания. Попробуйте сотворить нечто сознанием в том, что не имеет сознания. Спойте гимн машине и ждите, что она заработает лучше. Серенада Янки может побудить Ганку стирать ему носки, ее критика его поведения может способствовать бросаю курения. Но воспеванием или критикой АЭС вы не добьетесь ликвидации последствий Чернобыля.

Воспевайте «свободную» Беларусь, процветание ее колхозного крестьянства, плачьте о Курапатах и Хатыни - свободы не станет больше, жертвы не встанут из могил.

Эстетическое суждение ограничено в своей творческой способности. Поэзия может сеять «разумное, доброе, вечное», но только в душах людей. Поэзия и изящные искусства продуцируют катарсис (очищение душ от скверны и накопленного зла) и экстаз (подъем, порыв к высокому, чистому, светлому), но им недоступно познание того, что есть добро и зло. Знание добра и зла вне поэзии. Можно «глаголом жечь сердца людей», выжигая в них все доброе и светлое.

***

Попса: Мой адрес не дом и не улица, мой адрес - Советский Союз.

Патетика: Мы беларусы с братняю Русею... .

Фреска: Ленин думает про Беларусь.

***

Но, даже если поэзия несет на себе заряд добра... Благими пожеланиями вымощена дорога в ад. Компартия Западной Беларуси искренне хотела добра, именно за это Коминтерн разогнал ее по сталинскому приказу накануне подписания пакта Молотова-Риббентропа. Машеров хотел добра Беларуси, добиваясь строительства на ее территории экологически опасных или не нужных ей производств.

Причина зла есть ошибка в мышлении - говорили схоласты. Творение добра - способность правильного мышления, т.е. просто способность мышления. Поэзия творит в действительности сознания, в душах людей, мышление творит в действительности мышления. Поэзия творит красоту, мышление - идеи и истину. И то, и другое могут быть добром, могут быть злом. Но не сами по себе, а только в реализации, в реальности жизни и деятельности. Реализующееся мышление творит добро, ошибочное мышление, не способное к реализации, позволяет произрастать злу.

В духовной сфере Беларуси гипертрофировано место, выделенное поэзии. Беларусь поют, ваяют, танцуют и облекают в гиперболы и метафоры. Все это творит страдание в душах свяdomых беларусов, гонит их на митинги. Страдающие, переживающие люди не мыслят, а выливают поток своего страдающего сознания друг на друга.

Творческая же способность мышления депрессирована. Беларуские философы (если таковые есть) с их сомнениями, вопросами и парадоксами не подпускают к делу национального возрождения, да и сами предпочитают мыслить в Германии или в России.

***

Мераб Мамардашвили жил в Тбилиси, читал книги и писал их. Когда ему нужно было промыслить какую-нибудь проблему, а для этого нужны были «подельники» в мышлении, он ехал в Москву с лекциями.

Скиф Анахарсис - один из семи греческих мудрецов, а не скифских. Диоген в Синопе был фальшивомонетчиком, а в Афинах философом. В Синопе вообще не было и не могло быть философов. Философы «водятся» не в любом месте, для этого нужны особый «климат» и среда. Места, города

страны, где такие климат и среда есть - существуют в истории, про остальные страны и народы мы знаем из книг исторических народов.

Если Бог хочет наказать человека, он лишает его разума. Сон разума рождает чудовищ. Нарисованный художником, но не промысленный государственными деятелями, белорусский «зайчик», выпущенный на волю, превратился в чудовище, готовое сожрать Беларусь.

То, что подлежит промысливанию нельзя про-свистеть или станцевать. Наивно думать, что проект государственного обустройства можно насвистеть на мотив «Лявоніхі».

***

Реальный мир является продуктом творческого духа. Или, по-другому, мир принимает форму, предлагаемую духовной деятельностью. Творческая интенциональность духа направлена по-разному на разные стороны реальности: мышление организует и упорядочивает (или дезорганизует и нарушает порядок), в соответствии с тем, как организовано само мышление внешний мир, среду жизни и деятельности . людей; поэзия, искусство и эстетическая сторона духовного организует и упорядочивает (или наоборот) человеческое отношение к внешнему миру и отношение человека к самому себе. Поэзия, поэтическое творчество не способны спроектировать и создать Беларусь, это дело другой стороны духа - творческого мышления.

7. ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Думать Беларусь

Вопрос, заданный Стругацкими в отрывке, который взят эпиграфом к этому тексту, имеет прямое отношение к обсуждаемой теме. Если Тютчев утверждает, что «умом Россию не понять», то главная мысль этого текста состоит в том, что глазами Беларусь не увидеть. Беларусь неразличима невооруженным глазом. Чем должен быть вооружен глаз, чтобы Беларусь стала «быть»? Что можно противопоставить очевидности? Ответ, который дает вся история европейской мысли - очевидности противопоставит умозрение. Глаз должен быть вооружен умом. Только РАЗУМ способен сотворить БЕЛАРУСЬ. Эта страна, в отличие от России, должна быть доступна пониманию умом. В Беларусь тоже можно верить, вера позволяет сохранять память о Беларуси

несколько веков отсутствия такой страны в пространстве очевидного, сохранять европейское самосознание в период господства азиатчины. Сложен переход от веры к разуму, от мечты к реализации - осуществлять такой переход нужно аккуратно, осторожно и педантично.

Реальность и действительность не совпадают между собой, не тождественны друг другу. Все действительное - разумно, все разумное - действительно. Но все реальное - практично, все практичное - реально.

Путь от мечты и фантазии к реализации лежит через действительность и разум. Чтобы нечто реализовать, нужно не только хотеть этого, но знать «что это» и «как это делается».

Таблица 1

ОТНОШЕНИЕ / ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ФАНТАЗИЯ, МЕЧТА, ВЕРА	МЫШЛЕНИЕ	ВОЛЯ, ПРАКТИКА
ОБЪЕКТ-ЭКЗЕМПЛИФИКАТ	БЕЛАРУСЬ	БЕЛАРУСЬ	БЕЛАРУСЬ
ПРЕДМЕТНОСТЬ	ОБРАЗЫ, ПЕРЕЖИВАНИЯ Родина Мать Зорка Вянера Спадчына Пагоня Славные победы доблестного беларуского оружия и т.д.	ПОНЯТИЯ государство нация территория язык культура право хозяйство рынок	ДЕЯТЕЛЬНОСТИ строительство оборона проектирование торговля образование производство политика управление .....
ПОЗИЦИИ - АВТОРСКИЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ	ПОЭТЫ ИДЕОЛОГИ	ТЕ, ЧЬЕЙ РАБОТОЙ ЯВЛЯЕТСЯ МЫШЛЕНИЕ (философы, аналитики, политики...)	ПРАКТИКИ
РЕАЛИЗАЦИИ (СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЭТО?)	ЕСТЬ	НЕТ	НЕТ

Если перевести содержание этой таблички в простые суждения, то это может быть сформулировано так:

Беларусь поют, славят, ругают или превозносят, рисуют или освистывают.

Беларусь не строят, не охраняют, не возделывают, не культивируют.

Почему? Потому, что не думают. Не думают Беларусь.

Грамотные скажут: думать - непереходный глагол, думать Беларусь нельзя, можно думать про Беларусь. Но с этим грамотным суждением нельзя согласиться. Думают про Беларусь многие. Думают о том, как вывезти из страны то, что здесь дешево, и продать это там, где дорого. Думают о том, как спрятать деньги, заработанные в Беларуси, потому что вкладывать их здесь некуда, а хранить опасно. Думают о том, как бы прикинуться несчастным беларусом и «на халяву» съездить за границу, потому что на сэкономленные деньги в Беларуси можно хорошо жить. И много всяких других раздумий бывает про Беларусь. Думают даже о том, как стать президентом страны, которую не мыслят страной, а только частью другой страны. Думают о том, как избавиться от суверенитета и ответственности с ним связанной.

А нужно думать Беларусь, что она есть. Думать, как она есть, как и какой ей быть.

В Беларуси вам без всякой рефлексии любой может сказать: мы русские, мы советские. Говоря про Москву и Санкт-Петербург, про Сибирь или Поволжье - без запинки произносят: у нас, наше, мы. В

Беларуси везде вас встретят по русскому обычаю «хлебом-солью» - не просто подадут на беларуском рушнике «хлеб-соль», но именно с прибауткой: «по русскому обычаю».

Мы говорим - Беларусь, подразумеваем - Русь, мы говорим - Россия, подразумеваем, что Россия немыслима без Беларуси. В России так уже не говорят. Говорить А еще не значит думать А. Говорим А, а в уме Б.

Язык мой - враг мой. Беларус может говорить на русском, беларуском, польском или английском языке, но произносится слово «Беларусь» на любом из этих языков, он может думать за этим словом Россию.

Можно говорить «Беларусь», а думать при этом что-то другое: БССР, провинция, жертва суверенитета, Белая Русь и т.д.. Такое мышление (если оно мышление) - абстрактно, ошибочно и убого. Если говорить «Беларусь» и думать Беларусь, то тогда глагол «думать» становится «переходным». Такое мышление конкретно, интенционально, на его основе можно строить реализации. Творческое мышление оперирует «переходными» глаголами.

***

Конфуция спросили: - С чего надо начинать реформы? - С исправления имен, - был ответ.

***

С чего Беларусь может начать «быть»? С того, что ее начнут думать. С исправления имени. Сначала одного, главного в этой стране имени собственного, потом и остальных имен собственных и нарицательных. Только так можно избавиться от разрушительного двоемыслия.

Джордж Оруэлл описал особый язык - англо-русский. Этот язык обслуживал особый способ мысли - двоемыслие. На уровне лексики двоемыслие достигается простыми перевертышами смыслов: мир это война, свобода это рабство и т.д.. Но есть и другой, более сложный пласт семантики, где процедура вытравливания истинного значения слов затрагивает не лексику, а то, что мыслится за словами. Словам не просто приписываются те или иные смыслы, задаются трафареты и траектории употребления слов. Например, слово «свобода» должно быть оторвано в

употреблении от значений, которые оно принимает, выступая прилагательным к существительным: дух, личность, совесть, человек. В англо-русском можно сказать: свободные башмаки (они не жмут), туалет свободен (не занят), я свободен (у меня есть время) - эти выражения имеют смысл и значения. Но в оруэлловском языке нельзя сказать: свободная пресса, свобода воли, гражданские свободы - эти выражения смысла и значения не имеют, или должны пониматься так: пресса, испытывающая недостаток материалов, поэтому остаются свободные (незаполненные) пол-

---

осы в газетах (абсурд, но зато с допустимым смыслом). Свобода воли это нечто вроде глубин высоты.

Двоемыслие в оруэлловской Океании вводилось как нечто переходное от мысли к немислю, которое выдается за мыслие. Когда немислие достигнуто, о двоемыслии забывают. Когда вырастет поколение которое будет употреблять прилагательное «свободный» только к башмакам и туалетам, оно без юмора и сомнения будет принимать за истинную реальность такие ситуации:

- Скажите, я имею право ...? — Имеете. - Значит, я могу...? - Не можете.

При этом допускать полного немислия нельзя - прекратится всякая практическая деятельность. Мышление - опасно, вся глупость и неспособность властей становится видна, немислие – опасно, наступает коллапс жизни и деятельности. Двоемыслие - уютно, спокойно, памяркоуна. Совсем как Беларуси.

— Мы свободны и суверенны? - Да.

— Почему у нас такая нищета и бардак в стране

— Россия виновата.

— Как будем решать наши проблемы?

— Объединяться с Россией.

Думать Беларусь значит за употребляемым в речи именем иметь понятие экземплифицированного суверенного самодостаточного объекта. Беларусь есть нечто, отличное от других. Тютчев и ему подобные не могут умом понять Россию потому, что постоянно пытаются мыслить ее как Францию, Германию или Третий Рим. Получается чепуха, Россия не Рим, ни третий, ни первый. Вместо того, чтобы мыслить Россию как Россию (чтобы просто мыслить), они говорят: «умом Россию не понять». Так им и надо. Россия навсегда останется в Азии, будет восточной страной, т.е. страной без мышления. Страна без мышления - это очень просто: функция мышления (мышление только постольку мышление, поскольку всегда современно, т.е. своевременно и уместно) отдается узкому слою людей, называемых интеллигентами, и отчуждается от всех остальных людей. Интеллигенты поэтому всегда иностранцы в России, диссиденты и изгой, неуместные и несвоевременные герои ненашего времени, или «лишние люди».

В Беларуси ситуация гораздо хуже. Русские интеллигенты — иностранцы в России, белорусские интеллигенты - русские. Как выразался Лесков: иностранец, он и у себя на родине - иностранец. Белорусские интеллигенты - иностранцы в квадрате.

В европейской стране каждый гражданин думает свою страну, там нет интеллигенции в российском понимании.

Есть такая мысль: может быть, белорусы впервые за несколько последних веков стали думать Беларусь, поэтому проголосовали «за своего» — за Лукашенко. Они не стали голосовать за коллаборациониста Кебича, за «интеллигентно-иностранцев» Пазыняка и Шушкевича. Белорусы думают как умеют. Не стреляйте в пианиста, он играет как умеет. Кто может думать лучше? Каждый может думать Беларусь как умеет. Но думать нужно вслух. Иначе двоемыслие будет продолжаться и может перейти в полное немислие.

Принять утверждение о том, что не каждый человек мыслит - очень трудно. Человек разумен - это аксиома. Но разумность человека не означает, что он актуально разумен в каждый момент времени. Человек разумен потенциально. Любой может мыслить и действовать разумно, может, но не каждый так действует. Машину или лошадь нельзя упрекнуть в неразумности, потому что они неразумны вообще. Только человек разумный может быть неразумным или безумным. Безумец может называть черное белым, лошади это в голову не придет, у нее и слово таких нет. Разумно называть вещи своими именами: черное черным, белое белым, Беларусь Беларусью, а не Россией, Белой Русью или Северо-Западным краем.

Людвиг Витгенштейн как-то анализировал фразу: «Идет дождь, но я с этим не согласен». Фраза грамматически правильна, но неразумна. Если дождь и в самом деле идет, то мое согласие на это не требуется, и с моим несогласием он считаться не будет. Если идет дождь, разумно раскрыть зонт, а не ковыряться с собственным согласием или несогласием.

Некоторые белорусы утверждают: «Советский Союз распался, но я с этим не согласен.»

Я понимаю, что распад Советского Союза не дождь. Этот факт зависит от согласия или несогласия людей. Я хорошо понимаю тех, кто говорит, что распад СССР был неправильным действием, поэтому СССР или его аналог нужно восстановить. Не являясь сторонником восстановления СССР, я допускаю существование своих оппонентов и готов с ними спорить, выслушивать и анализировать аргументы «за» и «против». Но факт распада должен быть принят, иначе дискуссия невозможна. А что делать с теми, кто не признает этого факта? Мне пришлось разговаривать с интеллигентом, который живет в Советском Союзе в 1994 году. Он не признает

реальным существование Республики Беларусь, для него это мираж, фантом. Я могу разговаривать с гражданином другой страны, я могу разговаривать с человеком, который считает, что моя страна должна прекратить свое существование. Но как говорить с человеком, который считает мою страну плодом моей фантазии, когда я вижу, что это его страна является вымыслом? Как разговаривать с людьми, для которых СНГ — это новое название СССР?

СНГ существует как договор нескольких государств, как НАТО, Варшавский договор или СЭВ. Высшим органом, принимающим решение, в любой стране являются ее законодательные и исполнительные государственные структуры, а межгосударственные договоры выступают только условиями принятия этих решений. Но не в Беларуси, здесь многие государственные структуры пользуются документами СНГ как руководством для себя. СНГ рассматривается как большое аморфное государство, Беларусь мыслится в нем как «союзная республика» с чуть большими полномочиями, чем БССР в составе СССР. Давайте называть вещи своими именами. Правительство, ориентированное в принятиях своих решений на СНГ - марионеточное правительство, преступное по отношению к своему народу (или нахлебник по отношению к русскому народу). Такое правительство не мыслит Беларусь как Беларусь - значит, не мыслит как правительство, значит, не мыслит вообще. Правительство Кебича было именно таким, немыслящим. Но кто мыслит в стране, которая три года терпит такое правительство? Кто будет гарантом того, что такого не произойдет с новым правительством?

Кто мыслит в этой стране?

Нам популярно объясняли, что развал белорусского хозяйства связан с тем, что распад СССР лишил Беларусь ресурсов. Это суждение результат полнейшего немыслия. Беларусь лишена нефти и газа, но их у нее никогда не было. Нефть и газ поступают в Беларусь в обмен на продукты, производимые здесь за счет своих собственных ресурсов. Собственные ресурсы Беларуси (земля, интеллект, географическое положение, труд людей) используются плохо или разбазариваются.

Перефразируя Кота Матроскина, можно сказать: ресурсы у нас есть, у нас ума нету.

Я что-то не припомню, чтобы австрийцы, венгры, чехи стонали в двадцатые годы о пропаже ресурсов Силезии, Боснии, Трансильвании и потере выходов к морю. Они стали использовать свои ресурсы. Они перестали мыслить Австро-Венгерскую империю, а стали думать Австрию, Венгрию и Чехословакию, и у всех нашлись свои ресурсы. Больше ума - больше ресурсов. Арабская нефть - ресурс Западной Европы, сибирские металлы - ресурс Эстонии, белорусские высокие технологии - ресурс российского ВПК, интеллектуалы, подготовленные в вузах и школах Беларуси - ресурс Израиля и США. Ресурсы Беларуси достанутся тому, кто будет думать Беларусь в Тель-Авиве, Вашингтоне, Москве или в Минске.

***

Если бы Беларуси не существовало, ее следовало бы выдумать. Выдумать - глагол совершенного вида. Для того, чтобы выдумать - нужно думать, думать то, что намерен выдумать. Только так Беларусь может начать «быть», т.е. станет существительным, а не прилагательным к некоей территории. Для этого нужно, чтобы все предложения, исходящие из Беларуси, имели Беларусь подлежащим, а не дополнением или обстоятельством места, главным, а не второстепенным членом предложения.

***

Неокантианец Лотце сформулировал своеобразный итог европейской мысли XIX века: то, что должно быть, является основанием того, что есть. Тот, кто думает и делает Беларусь, должен основываться не на преданиях Великого Княжества Литовского, статистике 1913 года или мифах про Машерова, а на том, чем Беларусь должна быть. Поскольку представления о том, чем должна быть Беларусь - разные (суверенное и процветающее государство или сиротствующая, обделенная ресурсами провинция империи), то реализуется представление тех, кто будет думать Беларусь правильнее, реалистичнее и действительнее. Т.е. в конкуренции за определение будущего Беларуси выиграет не тот, кто громче и мелодичнее ее поет, кто говорит на более чистом языке, а тот, кто умнее, кто больше и лучше думает.

8. РОДНОЙ ЯЗЫК? - СОВЕТСКИЙ

Украинский канадец - советскому украинцу: - Я маю кару, хату, вайф и севен чилддренят. А що маешь ты?

***

Этот текст написан на русском языке. С младенчества я учился говорить на русском языке. В белорусской общине сибирского города, где я провел первые годы жизни, сохранялись семейные связи, желание вернуться на Родину из ссылки и фонетические особенности (акцент) диалектов белорусского языка тех местностей, откуда прибыли ссыльные. Сам язык, его лексика, за десять лет пребывания в ссылке исчезли, растворились в гулаговском «вавилоне». Когда семья вернулась в Беларусь, школа «любезно» освободила меня от «обременительных» для мигранта уроков белорусского языка, требуя посещения только уроков белорусской литературы, которую можно было читать в переводе. Понятно, что десятилетний школяр может только приветствовать такой порядок, прогуливать урок, когда все одноклассники пишут свои диктанты. В Гродно в 60-70 годы уже не было ни белорусских школ, ни театра, ни газет. Бытовой язык гродненцев тоже был отнюдь не белорусским. Потом армия и университет в Ленинграде.

Случай, возможно, не типичный, но у большинства белорусов найдутся свои индивидуальные причины незнания родного языка, а кроме того, множество обоснований, почему они его не хотят и не будут учить.

Восстановление языка дело очень сомнительное. В истории много примеров неудач на этом пути (например, попытка реанимации провансальского языка в XIX веке). Языки возникают, живут и умирают. Иногда цикл жизни языка не зависит от жизни народонаосителя. Латынь, санскрит и церковно-славянский употребляются, хотя народы, для которых они были родными разговорными языками, давно прекратили свое существование. Иногда народы меняют свой язык, переходят на чужой или создают новый. Очень (редко) удается реанимировать язык. Иврит - это хрестоматийный пример, с оговорками можно вспомнить историю чешского языка. Судьба белорусского языка еще не понятна, мало того, непонятен современный статус его. Латынь и древнегреческий

принято называть мертвыми языками не просто потому что народы-носители вымерли (греки, хоть и не ионийские эллины, живы до сих пор), а потому, что очень ограничена сфера их употребления. Средневековая латынь (вульгата) была живым языком, на ней писали книги, читали лекции, вели делопроизводство и пользовались в быту во всех монастырях Европы. Если язык существует только как книжный, его относят к категории мертвых. Если он существует только в быту, его относят к категории бесписьменных (языки вепсов, ливов, ирокезов, цыган и т.д.). А как быть с языком, который для одной категории людей (беларуские писатели, журналисты, учителя) книжный, а в быту они говорят на другом, для другой категории (сельское население) бытовой, а ведение делопроизводства и чтение книг происходит на другом? А может, это вообще разные языки? Может быть языки белорусских крестьян и писателей считаются одним языком только по недоразумению? Я не знаю.

Когда славянофилы Аксаков или Хомяков наряжались в «русский национальный костюм» и выходили на московские улицы, русские мужики говорили: «Персиянин пошел».

***

Беларуские суды не могут вести судопроизводство на белорусском языке. Мало перевести документы и кодексы на белорусский язык. Каждое слово адвоката, нотариуса, судьи и прокурора должно быть выверено, соотнесено с длительной практикой, подкреплено прецедентами (это справедливо не только для англосаксонского судопроизводства). Слишком много значит слово в правовых отношениях, переход на другой язык требует кардинальной правовой реформы, составлением разговорника здесь не обойтись.

Как передать на белорусском языке различие терминов: мышление, рассудок, разум, или мысль, мнение, суждение, умозаключение. Я могу попытаться подобрать слова и приблизительно передать смысл, но это не терминологическое употребление слов. Так можно популяризировать философию, но не философствовать. Аналогичные трудности в любой дисциплинарной сфере знания.

Связь философии (мышления как такового) с языком очевидна. Различия немецкого, английского, французского или русского философствования во многом определяются строением базовых языков и построенных на их основе терминологических языков. Многие понятия при вживлении в иную философскую систему либо искажаются, либо требуют терминологического заимствования. При этом все равно происходит либо обогащение понятия новыми нюансами и смыслами, либо редукция их. Термин можно заимствовать, но что делать с деривацией, управлением глаголов и другими синтаксическими особенностями, искажающими семантику и прагматику слов?

***

Как перевести на русский - мець рацыю?

- Иметь резон? Прямая калька, но по другому употребляется.
- Иметь смысл? Нет, имеет смысл суждение, а мае рацыю человек.
- Быть правым? Возможно, но «быть» и «иметь» - тоже разное.

Желающие поупражняться в переводе могут подставить в разделе 9 настоящего текста вместо слова игра - гульня. При этом помнить, что русское слово игра употребляется в этом тексте в трех разных смыслах (как минимум), которые в английском языке соответствуют знакам: game, play и performance.

***

Сапега создавал белорусский правовой язык. Карсавин создавал литовский философский язык. Ломоносов создавал русский научный язык. Можно набрать еще много таких примеров. Прецеденты создания языков известны, иногда известны имена тех, кто имел к этому некоторое отношение. Но каждый такой случай мифологизирован. Карсавин не создал литовского философского языка, его нет до сих пор. Ломоносов не создал русского научного языка, он был создан усилиями поколений до и после Ломоносова. Может быть, Ломоносов был одним из первых, кто относился к этому делу рефлексивно и действовал целенаправленно. До него русскую «ученую» лексику формировали греки и белорусы, но они поступали либо нерефлексивно, пользуясь в Москве языком, который привезли из Беларуси (например, Симеон Полоцкий или Илья Капиевич), либо калькируя иностранные языки. Создание языка - дело человеческое, но сам язык не может быть «рукотворным» (даже эсперанто Зоменгофа не может этого опровергнуть). Язык сам решает, быть ему или не быть, он сам эволюционирует, сам селективирует

лексику, и смеется над теми, кто заменяет галоши мокроступами. Но это не значит, что люди не могут участвовать в процессе становления языка. Просто" это не может быть сведено к реформам грамматики и исполнению закона «О языке».

***

Нельзя обязать язык быть. Он сам возникает как только становится нужен. Нужен ли белорусский язык? Кому, зачем, в какой ситуации?

Если просто строить оппозицию русский - белорусский, то понятно (очевидно), что белорусский не выдерживает конкуренции ни в одной сфере. Если прогнозировать судьбу белорусского языка как альтернативы русскому, то можно предположить, что на 99% он обречен на вымирание или культивирование в редуцированных формах (в еще более узкой сфере, чем сегодня). Он практически не нужен никому, кроме узкой кучки интеллигенции. Но есть реальная альтернатива, в которой белорусский язык может быть нужен - это оппозиция советский - белорусский.

Упомянувшийся выше оруэлловский англоц и до сих пор бытующий советский язык, на котором культивируется двоемыслие, с помощью которого уничтожается мышление и культура, есть орудие тоталитаризма, используемое для того, чтобы сделать необратимыми последствия тоталитаризма. Независимо от того, лексика какого национального языка использовалась, советское двоемыслие транслировалось поколением за поколением выпускников советской школы. Развитие национальных языков хоть как-то позволяло защищаться от экспансии двоемыслия. "Чем шире была сфера употребления того или иного Национального языка, тем сохраннее был здравый смысл народа и мышление интеллектуалов. Беларусь идеологически самый отсталый регион бывшего СССР именно в силу неразвитости, депривированности и изолированности белорусского языка. Русские отличают свой родной язык от советско-русского, эстонцы и молдаване спасались родным языком от тотального оболванивания советской идеологией, у белорусов защиты не было. Русский язык они приняли как язык культуры, как язык города вместе с советским двоемыслием. Теперь даже национализм в Беларуси заражен двоемыслием.

Реальная перспектива белорусизации состоит в отказе от советского языка (отравленного языка, по выражению Хайека) и связанного с ним двоемыслия, и перехода на нормальный человеческий язык. Это и будет новобеларуский язык. Наверное он будет отличен от языка Скарыны и Сапеги, а также Купалы и Багдановича. Утвердившись в Беларуси, он будет развиваться по своим законам, законы людей и государства ему не указ. Но люди могут помочь

своему языку. Не нужно бояться тенденций развития языка, заимствований и калькирования. Может быть, этот язык будет очень похож на современный русский, может измениться даже фонетический строй его, но это будет настоящий реальный белорусский язык, а не реликт из этнографического заповедника. Чем меньше будет пуризма и ригоризма в языковой политике, тем легче пойдет процесс становления нового языка. Все равно пользоваться реликтовым языком в новых условиях не получится. Развитие знания, диверсификация профессиональных норм, мода в массовой культуре - все это опережает развитие и становление языка. Поэтому ситуация отказа от латыни и формирование национальных языков «осенью сред-

невековья», когда возник первый белорусский язык из (древнерусского, больше не повторится. Тогда соотношение названных скоростей было обратным. Неповторима даже ситуация формирования национальных языков в XIX веке.

Кто не успел, тот опоздал. Беларусь не успели в прошлом веке, поэтому придется делать это в XX, в новой ситуации постмодернизма и широкого распространения массовой культуры, комиксов, сленгов, трюсов разных видов. Как это делать в XX веке, никто не знает. Возможно, белорусский язык будет первым и последним, становление которого началось в XX веке.

Если успеем.

9. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Можно ли считать результатом деятельности то, чего не было в ней в качестве цели? Ведь цель - это результат, вынесенный в начало процесса деятельности, а результат - это реализованная цель с допустимыми отклонениями. Если то, что получилось в некотором процессе, не совпадает с исходным замыслом, с целью, то это, скорее, результат случайных процессов, протекающих одновременно с деятельностью, но ею не являющихся. Ведь не считает же актер гром, раздавшийся во время его выступления, результатом своего искусства. Магическая установка *post hoc ergo propter hoc* всегда считалась ошибкой умозаключения.

Сделать хотел утюг, слон получился вдруг, ... с розовой полосой. Утюг делался, но не сделался. Слон не делался, но получился.

Незачем считать неумелое деланье утюгов причиной появления слонов. Поиски злого умысла в качестве причины событий, которые кому-то не нравятся - любимое занятие рассудочных «теоретиков». Злой или добрый умысел - индугенции гордыни интеллекта, который не контролирует событий и процессов, но не может в этом признаться. Задаваться вопросом: «кто виноват?» проще, спокойнее, чем разбираться с устройством мышления, рассудка и мира вообще.

Горбачев, затеявая перестройку, не имел целью суверенную Беларусь. Бразаускас, Ельцин и другие, форсировавшие объявление независимостей своих стран, меньше всего думали про Беларусь. Пазыняк, БНФ, ЦРУ, сионские мудрецы и прочие так же мало виноваты в независимости Беларуси, как и Кебич, подписавший «за компанию» соглашение в Вискулях. Как же разобраться с тем, что привело к суверенитету страны, существование которой не было целью людей, чьи действия можно анализировать? Ведь если этого не сделать, то есть только три варианта:

- любой мечтатель может приписать себе суверенитет Беларуси как результат своих усилий, во что верится с трудом;
- это чистая случайность (этакий суверенитет «с розовой полосой» на белом полотнище);
- на это была Божья воля.

Кому-то может быть достаточно любого из этих объяснений, но мышление не может быть ими удовлетворено. Хотя третий вариант автору вполне

симпатичен, ведь познание замысла Бога всегда было задачей, достойной напряжения разума.

Когда шахматисты начинают партию, целью каждого является выигрыш, либо мат, либо добровольное признание поражения противником. Но игра может закончиться патом. Пат не является целью в начале игры, но может быть ее результатом, может быть наименьшим злом для слабого шахматиста, и тем самым доставить ему радость. Игра не деятельность, она отличается от деятельности тем, что невозможно предсказать ее результат (я сейчас не Принимаю в расчет вырожденные случаи игры с договорным результатом, а имею в виду игру по понятию). Если отличие игры и деятельности обозначить точнее, то можно сказать, что мышление рассматривает деятельность как то, что имеет только два исхода: достижение цели (или совпадение цели и результата) и недостижение (т.е. ошибка), а как игру мышление рассматривает все те проявления человеческой активности, которые имеют больше чем два исхода, в которых число исходов-результатов может быть счетным и конечным, но вероятность их меняется во времени, в процессе проявления активности. Исход игры лучше рассматривать не как результат, а как выигрыш или проигрыш.

Приведенное выше различие игры и деятельности, при всей его простоте, заставляет располагать игру и деятельность в различных действительностях мышления. Будучи интеллектуальным объектом, игра, как и деятельность, требует кроме объективных измерений, достаточных для деятельности как тако вой, еще и антропологического субъективного измерения или отношения. Только для игры, и ни для чего иного, справедлив тезис Протагора: «Человек есть мера всех вещей, существующих в том, что они существуют, и несуществующих в том, что они не существуют». Пат в шахматах или ничья в футболе могут быть описаны в объективированных формах, но, кроме того, они могут праздноваться одними как удача и победа, другими переживаться как поражение. Деятельностное и игровое описание одного и того же; феномена не заменяют и не отменяют друг друга, но неполны и недостаточны друг без друга в мире человеческого бытия и антропологического отношения.

Республика Беларусь объектно и предметно описывается так же, в тех же схемах и понятиях, что и Республика Польша или Литовская Республика, но мы ничего не поймем про реальное бытие Беларуси, если не будем учитывать, что Литовская Республика - это победа, удача, достижение, выигрыш литовцев, а Республика Беларусь - несчастье, нежеланный исход, проигрыш в сознании многих белорусов.

С тем, что желанно, и с тем, что в тягость, люди обходятся совершенно по-разному.

Описание объектов в антропологической или игровой действительности меняет смысл и значение многих аспектов и вопросов, которые могут быть приписаны или заданы по отношению к объекту. Скажем, вопрос «кто виноват?» теряет смысл применительно к игре, поскольку ответственность за : исход игры распределена между всеми участниками. Странно было бы, если бы противник не использовал ошибки, просчеты и недостаточное знание правил со стороны партнера. Субъективный фактор: знания, умения, техника, способности, становится определяющим в описании фактов, событий и процесса игры. ^Объекты деятельности и игры отличаются от природных объектов своей «злонамеренностью», или просто намеренностью - интенциональностью. Бог и природа изошрены, но незлонамеренны. Природные объекты задаются и описываются в естественных науках как независимые от наблюдения и свойств наблюдателя. Объективность в естествознании - это такое описание объекта, которое исключает субъективное отношение человека (как деятеля, так и наблюдателя). Объективность в гуманитарной сфере при описании игры и деятельности требует включения субъективного отношения в картину или схему объекта, хотя и по-разному. При описании объекта деятельности мы полагаем человека формальным понятием, схемой места или элементом в деятельности, которые характеризуются одними и теми же свойствами и атрибутами независимо от конкретного наполнения. Место человека в деятельности задается позицией и нормами деятельности, которые фиксируются в объективированных формах как действительные для любого индивидуального деятеля. Сама индивидуальность как экземплификат выносится за скобки, она не описывается и не схематизируется. О ней вопрошается в рамках самоопределения, но при этом предполагается, что ответ на вопрос о самоопределении может и должен быть дан в объективированной форме как культурное самоопределение. Культурное самоопределение означает, что любые проявления субъективности допустимы в заранее заданных предписанных формах. Каждая деятельностная позиция, известная в культуре, характеризуется известным набором целей, знаний,

подлежащих субъективации средств деятельности. При исследовательском отношении к деятельности постоянно приходится сталкиваться с позициями и деятельностями, закрепленными в культуре, не описанными. Их описание получается через «разбор полетов», т.е. деятель получает возможность действовать в известной ситуации, а потом вместе исследователем рефлектирует свои действия, пред полагая при этом, что он действовал в рамках нормированной деятельности. Такое рефлексивное исследование деятельности строится на том, что рефлексия отделяется от деятельности, противопоставляется ей и является тем пространством, в котором деятельность объективируется, становится тем, что может транслироваться культурой. В некотором смысле такая объективация деятельности отождествляется с десубъективацией, с отчуждением субъектного от субъекта и предметизацией и нормировкой его в культурных эпистемических формах.

Игра требует иного отношения. Рефлексия вплетаена в игровой процесс как обязательный элемент. Через рефлексию в игре происходит не только объективация и опредмечивание деятельности, нормировка ее, но и комплексирование индивидуальных характеристик деятельности и деятеля. Субъективность в игре полностью задействована, - более того, она является ее условием. Могут быть вырожденные формы игры, когда ходы в игре и исход ее канонизированы (театр, деловая игра, performance). Назначение и смысл таких игр состоит только в «высвечивании» индивидуальной субъектности, в работе с ней, либо для экспликации ее (как в театре), либо для импликации игрового содержания в ней (дидактический эффект детской или деловой игры состоит в субъективации правил, норм игры или проигрываемого содержания).

Действительность игры разворачивается в пространстве, имеющем по минимуму три измерения: общее для участников игры поле или плацдарм условий, действий, ходов и возможностей реализации целей, установок и задач; картина игрового поля или плацдарма, имеющаяся в распоряжении у каждого участника; реконструируемая каждым участником игры картина игрового поля или плацдарма, имеющаяся или предполагаемая у противника или партнера. Шахматная игра в вырожденной «окультуренной» форме представлена в учебниках дебютов. Шахматист, разыгрывающий какой-нибудь гамбит и просчитывающий варианты этой стратегии, понимает, что противник может не принять жертву его фигуры и навязать свой вариант игры. Намерений противника он знать не может, поэтому постоянно отслеживает то что происходит на доске, проецируя то, что на ней происходит, на свою «внутреннюю» доску и пытается понять, что происходит на «внутренней» доске противника.

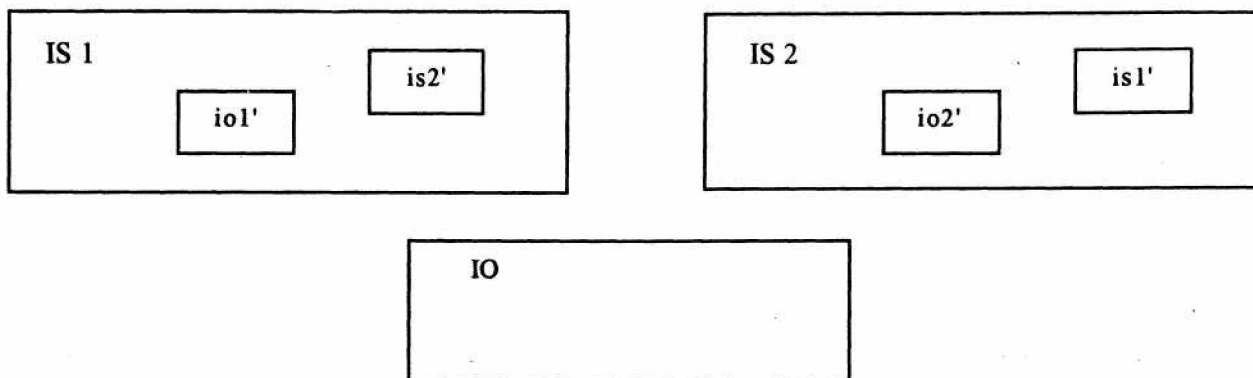

Рис. 1 ✓

Где: Ю - объективированное игровое поле, ioV - оно же в картине игрока 1, и io2* - в картине игрока 2;

IS 1 - картина игры у игрока 1, is1* - реконструкция ее в картине игрока 2;

IS 2 - картина игры у игрока 2, isZ - реконструкция ее в картине игрока 1.

Такая схема достаточна для описания игры двух партнеров на игровом поле, которое организовано в f знаках и вещах (например — шахматы). Детализация схемы таких игр производится через введение уровней l рефлексии в картинах каждого из игроков, где, кроме старых элементов, вводятся новые рефлексивные, - j - тогда, например, картина игры у игрока 1 будет выглядеть как-то так:

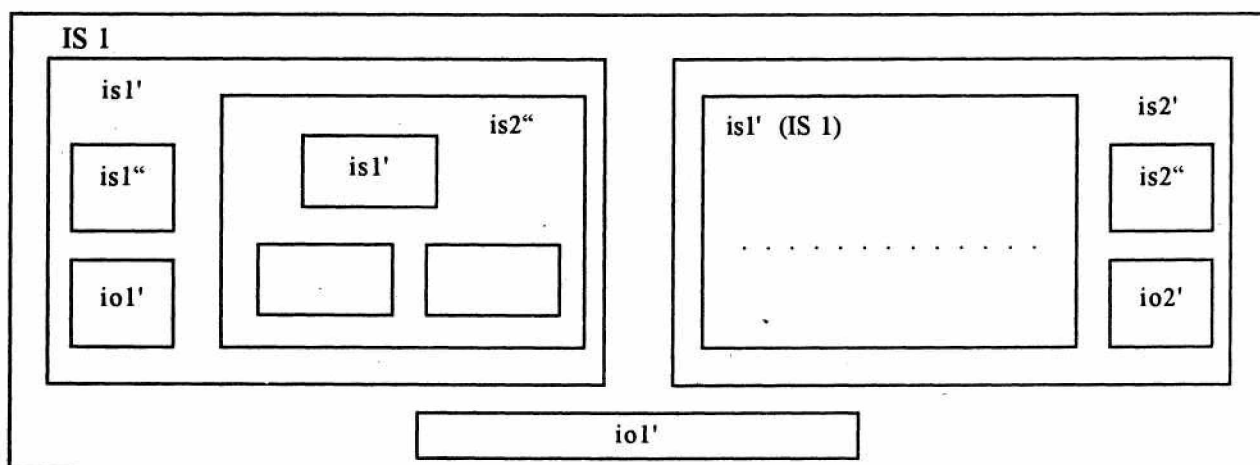

Рис. 2 ✓

В таких схемах игровое поле используется для объективации, экспликации и визуализации работы с внутренними картинами игроков. Такое поле игры не имеет собственной жизни, его можно представить как знаковую систему коммуникации между игроками.

Все становится сложнее, если в игровое поле вводится другая субъективность или игроки играют собой и с собой (классический пример — полководцы и их армии). В этом случае субъективность приходится вносить в игровое поле, оно начинает жить собственной имманентной жизнью. То, что на нем происходит, уже не определяется только действиями игроков, Игровое поле становится интенциональным, «злонамеренным»; персонажи, действующие на поле самое-

тотально, «путают карты» игрокам, и игроки вынуждены учитывать и эту субъективность.

Даже китайский средневековый теоретик государственного управления Ван Янмин, который анализировал политику абсолютно самодержавного государства Поднебесной империи, рекомендовал императору при проведении реформ спрашивать мнение народа. Правда, тоталитарные режимы постоянно повторяют одну и ту же методологическую ошибку: они пытаются свести антропологическую действительность игры (политику) к деятельности в объективированных формах, редуцировать схемы рефлексивных отношений к предметным преобразованиям.

Сталин и Гитлер (Москва и Берлин) разыграли сложную игру между собой на «поле Европы». Их игра завершилась подписанием протокола - пакта Молотова-Риббентропа. Чтобы имманентная жизнь Европы не мешала подведению итогов игры, были предприняты соответствующие ходы (натурализация мыслительных редукций):

- в Литве, Латвии и Эстонии поставлены марионеточные правительства (марионеточные - значит лишённые субъективности, возможности проявлять свою индивидуальность. Двадцать лет эти три народа напряженно размышляли и вдруг, с интервалом в один день, летом 1940 года на них «снизошло откровение» и они «добровольно» вошли в состав СССР.);

- на польско-германской границе устроено кустовое представление;

- в Польше, Западной Беларуси и на Западной Украине запретили компартии, чтобы не было лишних свидетелей с никому не нужной субъективной рефлексией.

Ну, а когда Армия Крайова в Варшаве стала «портить игру», начав незапланированное в Москве и Берлине восстание - Советская Армия остановила свое наступление, дав второму игроку время, чтобы привести все в соответствие со сценарием.

Незачем шахматным фигурам вмешиваться в дела шахматистов.

Аналогичные действия были предприняты в Мюнхене относительно Чехословакии и т.д. Но натурализация мыслительных редукций возможна только при одном «маленьком» условии ~ при отсутствии людей с их мышлением и субъективной «злонамеренностью». Люди могут не согласиться с правилами игры и, имея «голову на плечах», могут «испортить всю игру». Именно поэтому любимым девизом вождей тоталитаризма является максима:

«Нет человека - нет проблемы». Нет человека - нет меры вещей, существующих и несуществующих. Мечта тоталитарных игроков - страна, населенная людьми, а винтиками государственной мегамашиной. Тогда большой игрок может сказать: «Я знаю нужды и чаяния своего народа».

Для описания игровой действительности и построения игровых стратегий нужна онтология игры. Требования к такой онтологии уже в первом приближении предполагают, что она должна снимать в себе онтологии «незлонамеренных» объектов природы и нормированных культурно-деятельностных объектов. В такой онтологии объекты природы интенциональные объекты деятельности, знаки и средства деятельности должны охватываться рефлексией, а в организованных последней происходит комплексирование разных интенциональностей. Описывая уже использовавшиеся нами как пример шахматы, Карпов и Гик прибегают к дополнительному описанию - шахматы как наука, как искусство и как спорт. Применительно к обсуждаемой нами проблеме экземплификатов мышления и деятельности, а также реальности и действительности их существования нельзя обойтись выделением типов мыслимости объектов (наука, искусство, спорт или игра), необходимы конструирование действительностей для их последующего комплексирования и прописывание отношений между ними. В рамках данного текста ограничимся только номинацией такой онтологии, как «культурной политики», которая должна задаваться с учетом вышеперечисленных требований и обстоятельств. В самом грубом приближении понятие «культурной политики» должно включать в себя:

Таблица 2

ТИПЫ ОБЪЕКТНОСТИ	ТИПЫ МЫСЛИМОСТИ
Объекты, средства и знаки мышления	Формальные языки, науки и логики
Объекты и материал деятельности	Эмпирические науки
Субъектность и индивидуальность людей, интенциональность	Гуманитарные науки, дескриптивная этика и антропология
Типы, нормы и правила коммуникации	Нормативная этика и право
Нормы и правила конфигурирования и комплексирования объектов данной таблицы	Методология и эпистемология
Самоопределение культурного политика	Рефлексивные техники

Игра - частая тема в философии XX века. Но ни Шестов, ни Гессе, ни Хейзинга не строили онтологию игры. Любимая тема прошлого столетия - борьба, конкуренция - выступала предельной рамкой мышления Мальтуса, Маркса, Спенсера, Дарвина, Ницше и многих других, в XX веке перестала быть предельной и была введена в рамку игры, кооперации, диалога. Хайдеггер, Шпенглер, Бубер, Бахтин и многие другие выходили на эту тему и как-то ее проработали. Даже Эйнштейн рассыпался в комплиментах Жану Пиаже, заявляя, что тот занимается более сложными вещами нежели теория относительности - детской игрой.

Здесь не место строить и критиковать онтологию и теорию игры (сошлемся на работы В.Лефевра и ГЩедровицкого, разбору и критике их подходов найдем другое место и время). Займемся анализом и разбором конкретной экземплифицированной игры в «Беларусь», обозначив только необходимые операторы и средства анализа и разбора.

Игра только тогда игра (или до тех пор игра), когда в ней сохраняется возможность контакта, встречи с Тювым, неизведанным, доселе «небывшим». Шахматная партия кончается, когда один из партнеров вынужден повторять одни и те же ходы. Спектакль в театре снимается со сцены, когда исчерпаны возможности самовыражения труппы и режиссера. Игра ума может разворачиваться на материале недоказанной теоремы Ферма, а на материале теоремы Пифагора — только школярская скука. Игра есть удержание двух реальностей в рамках постоянно эволюционирующей действительности, реальности ставшего и реальности становящегося. Ребенок, играя, становится взрослым - сначала «понарошку», а потом в действительности. Каждое поколение детей, играя в игры дедов и далеких предков, присваивает, субъективирует действительность прошлых поколений, транслирует традицию и культуру, а играя в новые игры, создает новый мир, иной и особый, меняет действительность. Если действительность законсервирована, поколения похожи друг на друга, дети лишаются реальности становления, а в мире прекращается развитие.

То, что возникает в игровой реальности как новое и единственное, не является действительным. Для него нет понятий, нет форм трансляции, не обеспечены условия существования. Единственное, возникшее в игровой реальности, может оставаться чудом, место которому в сказках и в игровых фантазиях, если оно не вписывается в рамки действительности, не соответствует реальности ставшего и устоявшегося. Но так происходит только тогда, когда мы не умеем менять рамки, не имеем понятия о рамках конституирования действительности.

«Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые, - говорил Козьма Прутков, - иначе занятие это будет пустою забавою».

В разделе 2 «Философская проблема» мы обсудили то, что является условием осуществления, реализации и «одействительствования» экземплифицированного и явленного в единственном варианте, условием перехода от прецедента, казуса, чуда к культурному бытию в действительности и реальности. Это условие было описано как конфигурирование двух установок - реализма и номинализма, как комплексование двух интенций - *intentia prima* и *intentia secunda*. Без работы с рамками, без удержания экземплификатов и единичного в организованных рамочных конструкциях игра остается «пустою забавою», не имеет реализационных и культурных Последствий. Отсюда вытекает, что первым средством анализа игр является такая мыслительная организованность, как рамки и рамочные конструкции. Умение работать с рамками предполагает принятие как реалистической, так и номиналистической установок. Только в реалистической установке игра есть пустое занятие. Но, поскольку живая реальность мира не может быть взята в этой установке целиком, реализм должен допускать существование чуда, сверхъестественных, сверхдействительных явлений, перед которыми реалистический разум признает свое полное бессилие. Только в номиналистической установке игра становится «не по-детски» серьезным занятием. Игровая реальность становления стремится стать единственной реальностью, происходит потеря здравого смысла, люди начинают жить в мечтах и фантазиях.

Такое сосуществование двух реальностей в игре, задаваемых двумя разными рамочными конструкциями, приводит к тому, что вещи, идеи и люди перебрасываются из одной рамочной конструкции в другую, их значение и содержание мерцают. В каждый конкретный момент времени существования человека, идеи или вещи необходимо выяснять, реконструировать - в каких рамках они сейчас действительны; где они действительны, а где мнимы; что с ними сейчас, в данной конкретной ситуации, можно и нужно делать.

Все пешки на шахматной доске равны, ходят и стоят одинаково. Но некоторые пешки могут стать ферзями, и то, что они могут ими стать, определяет их реальное участие в игре в большей мере, чем то, что они пешки. То, что должно быть, определяет то, что есть, и, в определенных рамках, реальнее того, что есть.

Те, кто верил в победу Кебича на президентских выборах, были реалистами, поэтому не видели реальности, поэтому поражение Кебича для них было

чудом, чем-то нереальным. Те, кто верил в победу Пазьняка, придерживались номиналистической установки, поэтому тоже не видели реальности, поэтому поражение Пазьняка для них было отрезвляющим столкновением с реальностью. Те, кто играл на «мат королю», могут быть разочарованы тем, что «проходной» оказалась «пешка» не на том фланге, где хотелось бы.

Но игра есть игра, «ферзь» стоит на последней горизонтали, поэтому победа еще возможна, партия игры в «Беларусь» еще не закончена.

Вторым после рамок средством анализа является топика игры. В том же разделе «Философская проблема» были названы три главных пространства этой топки: Парадигматика, Синтагматика и Прагматика.

Парадигматика - пространство размещения материально-знаковых компонентов игры, то, что мы выше обозначили как объективированное поле игры (IO), а также субъективированные картины этого поля, имеющиеся в распоряжении игроков (io1 и io2) и часто отождествляемые между собой.

Синтагматика - правила игры, игровые стратегии и тактики, языки и логики работы на поле IO, средства построения картин IS1 и IS2, способы отождествления или разотождествления IO с io1 и с io2.

Прагматика — антропологическое пространство субъектности, рефлексии, самоопределения и манифестации картин IS 1 и IS 2. В этом пространстве происходит самоосознание человеком самого себя как активного игрока и участника процессов жизни и деятельности или пешки в играх других.

Во всех трех пространствах топки игры Беларусь конституируется как самостоятельная проблема.

Парадигматика. Что есть Беларусь в действительности? Что такое Беларусь в истории, экономгеографии, международной политике и т.д.? Об этом - большая часть данного текста.

Синтагматика. В каком языке, в какой логике, какими средствами нужно работать с парадигматическими проблемами Беларуси? Об этом идет речь в данном разделе.

Прагматика. Чего хотят беларусы в этой жизни от себя самих и от Беларуси? Кто может ответить на такой вопрос? В это можно только сыграть.

Введя принцип рамок и минимальную топикую игры, с учетом всего вышесказанного, можно приступить и анализу игры в «Беларусь».

10. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Культурная политика - это не политика в области культуры. «Культурная политика» не значит «хорошая политика» в противовес плохой, «некультурной политике». Культурная политика - это современная политика, которая вышла за пределы полиса (процессуальным проявлением которого она является по своему концептуальному происхождению и этимологии), выросла из рамок государства и отношений между государствами. Культурная политика - это то, что приходит на смену силовой политике военного, экономического, идеологического диктата и давления. Культурная политика — это то, что приходит на смену исключительно интеллектуальной политике дипломатов, партийных программ и макиавеллиевских государей. Культурная политика - это не социальная политика интересов классов, кланов и мафий в марксистских версиях или гоббсовских и руссоистских вариантах общественного договора.

Культурная политика это взаимодействие и диалог уникальных и экземплифицированных культур. Это диалог и коммуникация принципиально разнородных субъектов: личностей, государств, культур, социальных и других (конфессиональных, профессиональных,

поло-возрастных и прочих) коллективов, которые вступают в отношения друг с другом и взаимодействует на равных.

Культурная политика не признает приоритета каких бы то ни было прав над любыми другими правами. Права нации не имеют преимущества перед правами человека, а права человека не являются составной частью прав коллектива, с которым человек идентифицируется.

Культурная политика приходит на смену политике в конце XX века вместе с новым номинализмом, сменой рамок и картин мира, с «переоценкой ценностей». Культурная политика есть манифестация современной формации мышления в пространстве деятельностных реализаций, когда государство перестало быть манифестацией Гегелевского Абсолютного Духа. Культурная политика это игра в мир XXI века. Проигрывание и промысливание настоящего и будущего в действительности вместо строительства «светлого будущего» или пассивного ожидания его.

Непонятно? Мне тоже. Давайте сыграем в это, все, что выиграем будет наше. В такой игре проигрывает только тот, кто не играет.

«Born to win» - «Рожденные выигрывать», так называется книга учениц Перлза и Берна о сценариях построения жизни человека. По теориям трансактного анализа и гештальт-терапии - люди, которые строят свою жизнь по образцам предков, по сценариям «давно минувших дней», обречены на неудачи и проигрыши в жизни. Они не адаптированы к постоянно меняющимся условиям реальных ситуаций, вынуждены раз за разом воспроизводить неудачные схемы поведения, а потом возвращаться к началу. Рожденные проигрывать не имеют средств разумной оценки реальности, функцию оценки ситуации и ориентации в мире вместо разума у них выполняют сценарные образцы.

Это про отдельных людей. А можно ли нечто подобное анализировать у групп, коллективов, стран?

Конечно. Есть набор сценариев, которыми пользуются некоторые страны, которые воспроизводятся каждым поколением политиков снова и снова, и страна обрекается на постоянное поражение. Есть регионы, в которых история зацикливается и повторяется по многу раз. Регионы-воронки истории, где жизнь людей напоминает белку в колесе. Страны, где десятилетиями одна диктатура сменяет другую, и конца этому не видно. Страны, откуда начинаются войны и прокатываются волной по соседним странам, а после поражения все начинается сначала. Нации и государства могут находить в себе силы и прекращать действие своих трагических сценариев. Если этого не происходит, нации и государства прекращают свое существование.

Самый модный сценарий XX века, обрекший многие нации на жалкое существование, не несущий ничего, кроме бесплодных надежд, зависти к процветающим нациям и комплекса собственной неполноценности - сценарий модернизации. Суть любой модернизации в национальном масштабе - скопировать у себя в стране уровень и образ жизни той страны, которая избрана в качестве образца для своего времени. Бывшие колонии копируют образцы своих метрополий, европейцы - США, особо изощренные (так называемые «развивающиеся» страны) - Советский Союз.

Программы модернизации (в основе которых лежит идеология модернизма) требуют линейного отношения в историческому времени. Предполагается, что страны можно расположить друг за другом в порядке развитости или прогрессивности. Сделав такое допущение и внедрив его в массовое сознание можно нарисовать картинку, в которой все «прогрессивное человечество» дружно шагает гуськом к светлому будущему, а впереди (в авангарде «прогрессивного человечества») «родина слонов» - СССР. Замените СССР на любую другую страну (США, Япония, Германия — вариантов не так много), измените образец прогрессивности и направление модернизации - суть от этого не меняется. Пороки такого подхода хорошо проанализировал Карл Поппер в книге «Нищета историцизма», но, тем не менее, на удочку историцизма или модернизации попались очень многие народы в XX веке. Исключения из этой горочной практики говорят сами за себя: Япония, Финляндия, Израиль — народы, которые никого никогда не догоняли, никогда не строили себя по сценарным образцам, а думали свои страны своим умом, не обращая внимания на то, современно (модерно) ли то, что они культивируют в своей стране.

Модернизм и модернизация - сценарии «рожденных проигрывать», привыкших жить чужим умом, думать вместо своей страны идеализированную «иконку» чужой.

Сколько раз говорилось миру: не сотвори себе кумира. Петр Первый начал модернизацию России, и с тех пор она все время кого-то догоняет. Хрущев обещал догнать и перегнать Америку; не замечая, что

есть Япония, Германия и другие, которые, никого не догоняя, налаживают жизнь своих народов, а СССР надрыгается в гонке..., а жизнь людей только ухудшается.

Каждое время, каждая эпоха должны оцениваться по своим критериям. Индустриализация была хороша в начале века, когда весь мир изменился, самая индустриальная страна мира - Англия - оказалась в очень трудном положении и стала проводить структурную перестройку своего хозяйства, а Советский Союз все это время наращивал свою индустриальную мощь. Положение дел в Англии нормализовалось, а СССР обвалился под тяжестью своих грехов, из которых модернизм не последний. Модернизация всегда приводит к отставанию.

***

Японскому специалисту с гордостью показывали один из флагманов белорусской электронной индустрии и спросили с подвохом:

- Правда ли, что мы отстали от Японии в этой отрасли на двадцать лет?

- Нет, - ответил японец, - это неправда. Вы отстали навсегда.

***

Модернизация не просто приводит к отставанию. Она приводит к отставанию навсегда. Не хотите отставать - не играйте в догонялки. Играйте в другие игры. В конце концов, даже модернизм выходит из моды, перестает быть современным.

На дворе последние годы XX века, на дворе уже давно постмодернизм. Постмодернизм - это не просто то, что следует сразу после модернизма. Это отказ от идеи модернизма и идеологии модернизации. Постмодернизм - это не то, что современнее современности, моднее модерна. Это совсем другая игра. В этой игре много странного и непривычного. Главная ее особенность в том, что в ней каждый участник играет «свою игру». В ней нет универсалий и образцов для подражания и копирования, но зато есть уникальности, индивидуальности и экземплифакаты.

Игры XX века «воспитали» особую категорию людей - болельщиков, людей около игры, которые сами не играют, но абстрактно-теоретически все про игру «знают». Современные средства связи и телекоммуникации позволяют отслеживать, анализировать и комментировать самые разные игры, быть

в курсе игровых «раскладов», даже сидя далеко от игрового поля. В Беларуси много образованной интеллигенции, которая следит за политикой и Геополитическими играми с позиции болельщиков и комментаторов, не принимая никакого участия в самой игре. Такие «компетентные» знатоки игры иронично

относятся к политическим действиям БНФ и его лидера Пазыняка, снисходительно или зло подтрунивая над попытками Фронта включиться в европейские процессы, где играют такие гранды, как Германия, Франция, Россия. Я же с уважением отношусь к Пазыняку, поскольку он единственный (из тех, кто на виду) в этой стране пытается играть самостоятельно и играть в Беларусь. Не стреляйте в пианиста, он играет как умеет. Кто может играть лучше, выходите на «поле». Кебич даже не пытался играть всерьез: заигрывание и попытка встроится в российскую команду - это не игра. Лукашенко — игрок непредсказуемый, но играет индивидуально, без команды, кроме того, у него нет «школы» и «техники». Первый раунд внутри страны он выиграл как новичок, через непредсказуемость и симпатии зрителей. Дальнейшее зависит не только от него, - президентов, как и королей, играют «свиты» и команды.

«Квалификационная и фа» Республики Беларусь за выход в «Европейскую лигу» еще только началась. Было бы обидно, если бы она закончилась безрезультатно, как было с Беларуской Народной Республикой, или привела бы к «дисквалификации», как в случае

Великого Княжества Литовского в «команде» с Речью Посполитой. Союзников и партнеров нужно выбирать с перспективой на выигрыш. Есть ли такая перспектива у «команды» СНГ? Это еще необходимо проанализировать.

Кроме того, некоторые «советчики» в Беларуси склонны воспринимать СНГ как самостоятельную «лигу» или «федерацию», а не как сборную команду (при этом собранную в спешке и плохо «сыгранную») для участия в европейском «чемпионате». Если игроки будут слушать таких «советчиков» - Беларусь навсегда останется «дворовой» командой, о которой в Европе никто не будет знать. Беларуси предложено играть в европейской «лиге», неужели мы откажемся и предпочтем «забивать козла» в дворике по адресу «не дом и не улица ....»?

***

3 сентября 1994 года, газета «Известия», статья «Страна огурцов». Стыдно, но какова игра, такова и критика.

Такой «хоккей» - нам не нужен.

Доктрина Монро и план Маршалла - две региональные политические стратегии США разделены целой эпохой. Америка для американцев - анахронизм XIX века. Доктрина Монро на многие десятилетия затормозила развитие государств на Американском континенте. Она предполагала только одного самостоятельного игрока в американском регионе — США, всем остальным предлагалась гонка за лидером, игра в модернизацию. Вся Латинская Америка до сих пор пребывает в разряде «развивающихся» стран. Скоро сто лет, как развиваются, а все никак не разовьются.

План Маршалла в европейском регионе имел совершенно другие последствия. Уже через полтора десятилетия Западная Европа восстановила разрушенное войной хозяйство и нормализовала жизнь и деятельность людей. Даже побежденная, разрушенная и разделенная на части Германия не позволила

бы навязать себе такие рамки и правила игры, как в Доктрине Монро, не говоря уже о членах выигравшей войну коалиции. Нужно правильно выбрать рамки и правила игры. Есть игры, в которые невозможно выиграть, и есть такие, в которых может выиграть каждый участник (если будет играть правильно).

Беларусь не имеет доктрины развития. Без доктрины развития завтра нельзя будет существовать в окружении развитых (не «развивающихся») стран Восточной Европы. Без нее сегодня очень трудно. Она нужна была еще вчера. Без доктрины развития нельзя провести даже самой маленькой реформы, даже замена милицейской формы становится грабежом налогоплательщиков. Без доктрины, без рамок, вне перспективы развития реформы накладываются друг на друга, мешают друг другу, это не реформы, а бадзянне без усялякай мэты.

Со времен унии Великого Княжества Литовского с Польшей, когда была организована федерация Речи Посполитой, формально состоявшая из двух частей - Короны и Великого Княжества - беларусы ни разу в истории не играли самостоятельных игр. Став однажды «младшим братом», наш народ сохраняет этот комплекс до сих пор. Сменился «старший брат», а «младший» так и не собирается взрослеть, не собирается сам вести свою игру, отвечать за свои действия. Находясь в составе Российской Империи, Советского Союза, Беларусь если и предпринимала какие-то действия самостоятельно, то всегда вторичные, «вистуя» с кем-нибудь «за компанию». На вистах много не выиграешь.

Я не могу припомнить случая, когда Беларусь первой предприняла бы какие-нибудь действия, сделала первый ход. Копируя ходы партнера, нельзя выиграть даже в шахматы или поддавки.

Когда Шушкевич подписал на своей территории Беловежские соглашения, сделав едва ли не первый и единственный шаг без оглядки на «вышестоящие инстанции» (да и то разделив ответственность с лидерами двух соседних государств), Беларусь была шокирована такой дерзостью. Ему так и не простили этого.

Штаб-квартиру СНГ разместили в Минске именно с учетом этой хронической несамостоятельности. Киев слишком самостийен, а в Москве располагать такой орган неприлично.

Вистующему игроку «сбросили карты».

Тому, кто не умеет играть, не может выпасть хороший прикуп, не идет хорошая карта. Пора заказывать свою игру.

Беларусь суверенная страна, точнее — страна, обладающая всеми формальными признаками суверенности. Высшая власть в суверенной стране принадлежит народу этой страны. Народ посредством институтов современного государства управляет своей страной, являясь ее единственным хозяином. Если народ не располагает в своей стране необходимыми институтами и структурами реализации права быть хозяином — эти институты необходимо создать. Через эти институты народ формулирует свои суверенные интересы, осознает их и защищает.

В Беларуси накопился ворох нерешенных проблем. Эти проблемы наши и только наши, нам их решать. Решение этих, своих собственных проблем, в комплексе с условиями функционирования хозяйства и жизни общества составляют основу беларуских интересов в мировом разделении труда, в международной политике. На базе учета этих интересов, делающих Беларусь непохожей на соседние и дальние государства, должна строиться внутренняя и внешняя политика, программы развития страны и позиция ее в межгосударственных альянсах и кооперациях.

Интересы страны, ее народа и государства разные политические партии и движения могут видеть по-разному. Необходимы институты и инструменты согласования разных точек зрения, разных подходов. Необходим механизм достижения компромиссов и национального согласия. Расхождение во взглядах, подходах и ориентациях всегда были (не хочется

вспоминать басни тех времен, когда - «весь советский ; народ, как один ...», «в одном строю...», «по одну сторону баррикад...» и т.д.), есть и останутся. Но народ, как суверен в своей стране, действует через институт государственной власти, который только один в стране, двух быть не должно. А государство, как единый субъект, может действовать, только имея один план, одну стратегию, одну доктрину, - по крайней мере, на сколь-нибудь осмысленный срок.

(Хотя Воланд, безусловно, прав - как можно управлять, не имея плана на какой-нибудь смехотворно малый срок, скажем, в тысячу лет? Конституции могут меняться, но пишутся они всякий раз навсегда. А «навсегда», если я правильно понимаю это слово, несколько больше, чем тысяча лет. В Конституции записано: «Республика Беларусь - суверенное государство ...». Но никакая конституция не может гласить: «Республика X суверенна на срок N лет». Конституционное требование сохранения государством самого себя на вечные времена является рамкой для всех планов и программ, рассчитанных на определенный срок).

Может быть, я слишком придирчив, но я не встречал ни разу формулировки собственных интересов Беларуси, которые не страдали бы пустой декларативностью, партийной однобокостью или идеологической ветхостью. Беларуское государство до сих пор не являлось инструментом защиты интересов суверенного народа. Если БССР можно рассматривать как некий рудимент государства, то оно являлось

инструментом насилия и подавления одной частью народа другой, в полном соответствии с классовой моделью и парадигмой государства, разработанной большевиками. Таким оставалось и государство РБ все три года после провозглашения суверенитета. Опыта и институтов обеспечения суверенности своих собственных интересов (хотя бы в рефлексии, не говоря уже о деятельности, политике и игре) беларуское государство не имеет. Построить такие институты в ситуации постмодернизма, в современном интегрирующемся и кооперирующемся открытом мире неизмеримо сложнее, чем в ситуации прошлого века. Сегодня никто не имеет такого опыта. Интегрирующаяся Европа только нарабатывает такой пионерский опыт. Было бы резонно делать это вместе с ней. Но здесь есть сложности. Все нужно делать вовремя. Суверенитет государства и народа - дело прошлого века, учиться его реализовывать нужно было давно, а сегодня задача усложнилась. Конечно, это усложнение нужно принимать в расчет только в том случае, если Беларусь европейская страна; если она по-прежнему «союзная республика», об этом думать не надо. Речь идет о современных ограничениях на суверенитет государства.

Суверенитет современных государств ограничен с двух сторон.

С одной стороны, государства делегируют часть своих суверенных прав и полномочий надгосударственным институтам. По поводу определения этой части суверенных прав, которую можно отдать межгосударственным институтам, нет никакой определенности. Это предмет длительных дискуссий и временных компромиссов. Европарламент Европейского Сообщества и его исполнительные органы, а также органы СНГ - два наиболее ярких примера таких ограничителей суверенности государств. Но если Европа об этом думает, проблематизирует и рефлектирует, то про страны бывшего СССР этого сказать нельзя. А уж «вистующая» Беларусь, в рамках СНГ просто всегда и во всем следует в фарватере России или молча присоединяется к большинству. Ограничение суверенитета - это всегда самоограничение. По отношению к Беларуси приходится говорить о том, что у нее ровно столько суверенитета, сколько ей позволяют иметь Россия и СНГ. Мышление в такой стране есть вызов общественному мнению и уголовно наказуемое действие. Пусть Россия думает, она большая — а «вистующая» Беларусь будет послушной, будет сбрасывать свои козыри на каждый ход игрока.

С другой стороны, суверенитет современного государства ограничен суверенитетом личности человека. Советский Союз несколько десятилетий отбивался от проблемы прав человека, рассматривая обсуждение этой проблемы как посягательство на

свой суверенитет и на идеологическую монолитность. «И это правильно» - как говорил его первый и последний президент. Права человека действительно ограничивают суверенитет государства, нации и любого коллективного субъекта, разрушают любую идеологию. Это справедливо не только для Советского Союза, но для любого современного государства. Исламский фундаментализм, идеи чучхе, радикализация коммунизма, всплеск национализма - разные формы протеста традиционализма и коллективизма против доминирования проблематики прав человека в эпоху постмодернизма.

Жить в обществе и быть свободным от общества - нельзя. Под этой максимой марксизма и социализма подпишется любой националист и традиционалист в Иране, Ираке, Северной Корее, Латвии или Беларуси. А с принятием идеи прав человека - оказывается, можно. Можно жить в обществе, а можно не жить. Можно жить в обществе и быть свободным от него.

Поэтом можешь ты не быть, и гражданином - не обязан.

Человек имеет право свободно выбирать гражданство, профессию, конфессию, класс, национальность и даже пол. Последнее может показаться перегибом. Для себя лично я не могу понять желания поменять пол - но кто сказал, что я должен понимать все. Если кто-то понимает это и имеет такое желание, я признаю его право на это.

- Шесть поколений назад моих предков заставили быть православными ликвидировав униатство в Беларуси. Пять поколений семья была православной, а теперь в ней есть атеисты, баптисты и католики. И все имеют на это право, они свободны выбирать конфессию сами.

«И это правильно».

***

Михаил Сергеевич не является изобретателем «нового мышления», он открыл его лично для себя, и в восторге от этого открытия написал книгу.

***

Однажды ректор одного из университетов на территории бывшего СССР, профессор физики, вернувшись из зарубежной поездки, делился на лекции своим личным открытием. Оказывается, Бог - это идея, а не категория науки физики, поэтому научным физическим экспериментом нельзя ни доказать, ни опровергнуть «этой гипотезы». Поэтому атеизм не присуждается одновременно с дипломом об окончании естественно-научного факультета университета. Он перестал смотреть на верующих как на людей, не знающих физики. Потрясающе!

Права гражданина на труд, на жилище и т.д. нельзя понимать как обязанность человека трудиться или жить в отдельной квартире, иначе такие «права» будут нарушением прав человека. Человек может не работать и жить под мостом, если он этого хочет. Человек может быть православным, беларусом, славянином, пролетарием, если он этого хочет, его права на это должны быть обеспечены. Он может не быть всем этим, если он этого не хочет, и его права на это также должны быть обеспечены. Такое личное открытие еще многим предстоит сделать в Беларуси, чтобы научиться жить в современном мире.

Чтобы обрести «новое мышление», не обязательно читать книгу Горбачева, не обязательно изобретать его самому. Нужно просто быть самим собой и позволить другим отличаться от себя так сильно, как этим другим этого захочется. Бог не есть категория физики, но физика не может судить о всем мироустройстве. Нация и национальность тоже все-навсего - идеи. Быть беларусом - значит иметь о себе такую идею и мыслить себя таковым. Можно ли мыслить себя беларусом, если идея беларуса производна от идеи Беларуси, а последняя не сформулирована, не промыслена. Можно ли мыслить себя беларусом, если идея беларуса производна от идеи человека, а последняя в Беларуси не сформулирована ни в сфере права, ни в сфере человеческих отношений.

О, сколько нам открытий личных предстоит сделать, думая Беларусь и играя в нее.

Подкрепленная авторитетом Шекспира, Пушкина и многих других банальность о том, что вся жизнь - игра, известна всем. Но как Шекспир, заявляя, что вся жизнь - театр, и люди в нем — актеры, смотрел на игру жизни однобоко, так и многие понимают игру очень узко. Иоахим Хейзинга в книге «НОМО ЛУДЕНС» рассматривает широчайший спектр разнообразных игр, в который может быть упаковано любое человеческое проявление. От «игры в бисер» Германа Гессе до психологических игр Эрика Берна - дистанция огромного размера, куда укладываются штабные игры военачальников и детские «классики», к тому же названные образцы не являются полюсами. По обе стороны от Гессе и Берна располагаются многочисленные неописанные игры.

Жизнь и деятельность не только огромная шекспировская сцена, где люди в ролях разыгрывают комедии и трагедии, но еще и театр военных действий, и «русская рулетка», и шахматная доска, на которой можно сыграть в поддавки и крестики-нолики. Каждый может выбрать себе игру по вкусу, по способностям и потребностям. Бобби Фишер, побеждая всех на шахматной доске, проигрывает в социально-политических играх, разворачивающихся вокруг шахмат. Ласкер обыгрывает соперников психологически, Капабланка - изящными комбинациями, Алехин - строгим расчетом, а Макс Эйве становится чемпионом через «везение».

Jedem das seine.

Кое-что о роли магнитной доски, комментаторов и шахматных журналов в развитии шахматного мышления и самой игры.

Чемпионы - герои и звезды. За их игрой, за их судьбой следят многочисленные болельщики и любители шахмат. Но есть особая категория людей в шахматном мире. Во время шахматного матча эти люди находятся не в зрительном зале, где идет живая игра, а сидят в соседней комнате, где висит магнитная доска. На магнитной доске отображаются сразу две игры: одна, которую играют в матче звезды из соседнего зала, и другая, которую разыгрывают шахматные теоретики, тренеры и другие адепты шахмат. Обе игры развиваются своим чередом. В первой игре делаются гениальные и ошибочные ходы, кипят страсти, падают в цейтноте флажки, победи-

телей награждают призами, а проигравший - плачет. Во второй, спокойно переставляют фигуры, «смакуют» оригинальные находки, разбирают по косточкам сомнительные «жертвы», крутят игровое время вперед и назад. Над шахматными адептами у магнитной доски нет «дамклова флажка» цейтнота, им «не светят» лавры чемпионов, им не свойствен азарт борьбы, риск и пафос победы. Их выигрыш - это развитие шахматной игры. Это они потом опишут правильные и неправильные дебютные стратегии, выведут все мыслимые следствия и развороты комбинаций в миттельшпиле и эндшпиле. Без них не было бы развития и совершенствования игры, без них и без магнитной доски каждое новое поколение шахматистов вынуждено было бы повторять все ошибки своих предшественников.

В «живой» шахматной игре есть одно правило, которое один юный адепт формулирует так: потрогал - женись, т.е. взялся за фигуру -делай ход, сделанный ход назад не переигрывается. На магнитной доске это правило недействительно. Там только тем и занимаются, что переигрывают каждый ход по много раз. Это дает возможность составить реестр ошибок и проигрышных стратегий. Пока шахматист в матче строит планы и комбинации, сделав очередной ход, на магнитной доске успевают просчитать и доказать, что данный ход ведет к поражению, а не к победе. Когда партия откладывается, участник матча, познакомившись с параллельной игрой на магнитной доске, признает свое поражение, не вскрывая конверта с записанным ходом.

Каждая из игр, разыгрываемых в культуре, должна быть обеспечена своей магнитной доской, вокруг магнитной доски должны собираться анализирующие игру адепты, чтобы потом печатать свои аналитики и выводы в журналах игры. Без этого игры не могут совершенствоваться и развиваться.

Магнитная доска есть средство обнаружения ошибок, необратимых и фатальных на матчевой доске. Магнитная доска, как и бумага - все стерпит. Чем больше ошибок проигрываются на магнитной доске, тем меньше их в матчах и турнирах. Шахматные открытия и находки чаще делаются в

матчах и турнирах, но без магнитной доски они не могут стать достоянием всех шахматистов.

Если бы все социальные и деятельностью игры проигрывались на своих магнитных досках, мир был бы, может быть, не таким пафосным и героическим, но более человечным и разумным.

Социализм на магнитной доске красив и увлекателен, а в реализации убог и трагичен. Пусть бы он и оставался на магнитной доске.

Очень многие проекты, программы и стратегии оставались бы в архивах, если бы сначала были проиграны «без часов», неумолимо отстукивающих время. Каждое правительство, любой деятель имеют свой «флажок», живут в цейтноте. Но только самые умные правительства понимают необходимость организации и финансирования команд, сидящих в задумчивости у магнитной доски. Глупые правительства обходят стороной места, где висит такая доска, не читают «шахматных» журналов. Поэтому их «флажки» падают задолго до того, как они заметят цейтнот. Это относится не только к правительствам, но и к государствам. «Флажок» Советского Союза упал в декабре 1991 года, но висел почти десять лет.

Надо ж было глянуть на часы.

Спадари, Панове, господа политики, гляньте на часы, переведите глаза на доску, уже цейтнот, но время еще есть.

История о том, как Евгений Липкович заочно обыгрывал Ивана Антоновича.

Иван Иванович Антонович - главный идеолог Республики Беларусь, был одним из главных игроков в команде Вячеслава Кебича. Увешанный всеми возможными научными, бюрократическими и политическими регалиями нашего времени, он не имел себе равных по рейтингу в нашей стране. Ему был доступен любой эфир, любые газеты, в его аспоряжении была вся политология и другие общественные науки Беларуси. Никто не осмеливался бросить ему открытый вызов, кроме независимого публициста Евгения Липковича, который заявил, что он играет в предвыборную кампанию за «молодую» команду налогоплательщиков и избирателей. И.Антонович не обращал внимания на выпады Е.Липковича, он еще как-то интересовался звездами: Пазыняком, Шушкевичем и, особенно, Лукашенко. Но обращать внимание на какого-то независимого эксперта ...

Между тем Е.Липкович играл раскованно, свободно и современно. Это было забавное зрелище. Правда, только для тех, кто время от времени посматривал на магнитную доску. Делать это было трудно, поскольку магнитная доска политических игр в Беларуси настолько крохотная, что вмещается в брючный карман Липковича. Но если бы в Беларуси был хороший журнал по этой игре, с доски Липковича можно было бы считать много полезного и поучительного.

У И.Антоновича есть (была) техника игры, «чутье» и много чего другого, необходимого для игры. Но он забыл поинтересоваться, в какие игры нынче играют и как в них играть. Если провести аналогию с шахматами, то все выглядело так, что он пытался переставлять фигуры за двух игроков сам (я не знаю кто придумал «знаменитую стюардесу» и писал в газеты письма белорусских крестьян с признаниями

любви к Кебичу, но, кажется, И.Антонович принимал их за «чистую монету», за ходы настоящих партнеров по игре). Ивану Ивановичу уже виделась заключительная комбинация с красивым выходом в ферзи, но 23 июня «флажок» упал. Липкович выиграл.

(Если кто-то думает, что победил не Липкович, а некто другой - он ошибается. Нужно смотреть на магнитную доску. В конце концов, шахматы - только аналогия. В игру, о которой идет речь, играют не два партнера, а много разных команд. Команда Липковича -налогоплательщики и избиратели - пока разыграли только дебют, все еще впереди. Хотя победной комбинации еще не видно.)

Нет нужды учить игроков играть - пусть отдуваются сами, раз ввязались в игру, не зная правил и содержания самой игры. Нужно совершенствовать саму игру, чтобы в Беларуси играли на современном уровне.

Игра, о которой идет речь в этом разделе текста есть игра на особой магнитной доске. Игроков в такую игру в Беларуси достаточно, нет только самой магнитной доски, нет пространства, где ее можно разместить. Таким пространством и такой магнитной доской должен стать журнал *«Культурная политика»*

11. Журнал «Культурная политика»

Журнал «Культурная политика» никогда не будет:

- Коллективным организатором и агитатором.

Не потому, что нам не за что агитировать. Нам не нужны сагитированные читатели. Наш читатель - тот, кто не нуждается в агитации, кто живет своим умом, а не заемным.

- Партийным органом и выразителем только одной частной позиции.

Не потому, что мы не имеем своей позиции. Наша позиция нам нравится, мы готовы ее отстаивать, доказывать и аргументировать, но нам интересны и другие позиции, аргументация, доказательства и обоснования их. Мы хотим сравнивать все подходы и позиции, критиковать и обогащать свою. Мы всех приглашаем критиковать нас, и за собой оставляем право на это. Мы с равным уважением относимся ко всем позициям, подходам и точкам зрения, лишь бы они были аргументированы и обоснованы, лишь бы они не были «кочками зрения». Мы не считаем себя вправе только самим судить, где точка, а где «кочка» зрения, хотя оставляем за собой право сомневаться и спорить, и всем предоставляем возможность участвовать в этом споре и сомнении. Сомневайтесь с нами.

- Средством развлечения и «убийства времени».

Всему свое время и место. Каждый должен отдыхать и развлекаться, для этого есть разные возможности. С нашим журналом можно размышлять. Размышляйте с нами.

- Фабрикой грез и дверью в иные миры и измерения.

Мы с удовольствием напечатаем статью инопланетян или жителей Шамбалы, если они сами найдут время заглянуть в редакцию — здравый смысл не позволяет нам верить летавшим на «тарелках» во сне, получившим сокровенное знание посредством грез и фантазий, вычитавшим программу построения «светлого будущего» у Нострадамуса или у «кремлевских мечтателей». Имейте твердую почву под ногами вместе с нами.

Выше сказано, чего читателю не нужно искать в журнале «Культурная политика». А что же он сможет найти, или что следует искать?

Журнал «Культурная политика» вместе с авторами и читателями будет искать Беларусь и человека в ней. Диоген ходил с фонарем по дневным улицам Афин и искал человека. Диоген был циником, но вместе с цинизмом ён меў рацыю. Новое время - новые люди. Поиски человека никогда не закончатся. Будем радоваться каждой находке, продолжать и расширять сферу поисков. Человек есть мера всех вещей, в том числе и Беларуси в ее существовании или несуществовании. Ищите вместе с нами. Ищите человека, ищите Беларусь, вопреки очевидности. Если она существует, вместе мы ее точно найдем"

Весь текст, который читатель дочитал до этого места, переполнен вопросами и сомнениями. Автор, задавая эти вопросы и высказывая сомнения, предполагает искать ответы на них на страницах журнала «Культурная политика». Один ум - хорошо, а совокупный ум по-разному мыслящих авторов, встречающихся на страницах одного журнала, мыслящих вместе и рефлектирующих свое мышление - гораздо лучше. Все вопросы и темы, поднятые в этом тексте, мы будем разворачивать на страницах последующих номеров журнала.

Думайте Беларусь вместе с нами.

Журнал «Культурная политика» задуман как игра, игра ума и мышления. Все доступно мышлению, во что можно сыграть. Все возможно в практике, что проиграно (разыграно) в мышлении, но не все следует переводить в практику. Играйте вместе с нами. Если мышление не подавлять, создать условия свободной игры мысли и интеллектуальной фантазии, то мышление не торопится к реализации своих недодуманных проектов и планов. Не все, что хорошо в мышлении, хорошо в реализации. Об этом лучше выносить заключение в самом мышлении,

---

чтобы «не наломать дров» на практике. Семь раз отмерь, а один раз отрежь.

Отмеряйте вместе с нами, а отрезать всегда успеется.

Журнал «*Культурная полшпика*» задуман по модели «магнитной доски» в инфраструктуре шахматной игры, описанной выше. Чтобы успешно играть в цейтноте и без него - читайте журнал «*Культурная полшпика*», пишите в него, спорьте с нами, тогда ваш «флажок» не упадет раньше времени.

Журнал «*Культурная полшпика*» задуман в Беларуси, он для Беларуси, в нем «все о ней». Беларусь заслуживает того, чтобы о ней думали беларусы и все, кому она интересна в самой Беларуси и за ее пределами. Беларусь нуждается в том, чтобы ее думали по истине и конкретно. Беларусь нуждается в том, чтобы ее и все в ней называли своими именами, а не выдавали «черное за белое» и наоборот. Непросто смотреть на вещи, как они есть. Называть ошибки - ошибками, преступления - преступлениями,

а не заботой о «благе людей». Непросто прекратить бессмысленный «сизифов труд» выполнявшийся всю жизнь, сесть подумать, и потом начать делать по-другому, все сначала. Непросто называть вещи, находить истинные имена вещей.

Исправляйте имена вместе с нами.

Журнал «*Культурная политика*» будет строиться так, чтобы максимально включить в себя многообразие и вариативность игр, разворачивающихся в Беларуси. Здесь будет место для мэтров и грандов игры (magister ludi) - Магистратура. Будет место для критики и «освистывания» халтурной игры и «сапожников» от игры - Testimonium paupertatis (свидетельство о бедности). Мы будем предоставлять возможность сделать свой ход начинающим игрокам, анализировать игры и комментировать отдельные ходы, искать ресурсы и делать прогнозы. Мы будем меняться и менять журнал, чтобы развиваться и успевать жить, работать и играть.

Меняйтесь вместе с нами.

Интеллектуальный журнал в Беларуси: заметки по проекту

Эти заметки были написаны вскоре после того, как Владимир Мацкевич, рассказав о том, что он получил предложение взяться за организацию издания журнала гуманитарного направления, спросил меня в своей обычной манере: «Ты что об этом думаешь?» Признаюсь, тогда мне эта затея представилась достаточно неясной и темной. Как ее обсуждать? С какой стороны подойти? И я решил начать от печки, с прояснения исходных рамок, в которых можно было бы обсуждать идею журнала. Так появились эти заметки. С тех пор кое-что прояснилось и оформилось, однако, убежден, что все поставленные в заметках вопросы, в силу своего установочного характера, сохраняют и будут сохранять свою актуальность. А это означает, что вопросы по-прежнему ждут своих ответов. А вы что про это думаете?

Беларусь как философская проблема

Общество и Мышление - это как два полюса одного большого генератора - каждый из них может жить и существовать только напряжением, создаваемым ими обоими. Мышление общественно, а общество мысляще - это принцип работы генератора, производящего, как говорили древние, порядок и космос. Мыслить и существовать иначе просто невозможно, иначе космос и порядок превращаются в кучи ненужного мусора и хлама. Мне кажется, что пространства Беларуси так сильно завалены мусором и хламом именно потому, что генератор порядка здесь не работал слишком долго, а его полюса заржавели. Запуск этого генератора есть, на мой взгляд, основная философская проблема Беларуси.

В этой связи можно утверждать, что, если происходящее и наблюдаемое в последнее время здесь, в Беларуси, оживление общественной жизни не будет подхвачено и схвачено Мышлением, то космос и порядок не возникнут, а лишь приумножатся торы мусора и хлама.

Но сложность состоит, однако, в том, что Мышление не происходит просто так, само собой и где угодно. Современное Мышление предполагает

достаточно сложную структуру Общества. Оно требует, например, существования такой странной штуки как Действительность, которую, впрочем, в более технической манере удобнее было бы назвать «экраном интеллектуальной работы». Кроме того, в Обществе непременно должны существовать места, где Мышление может случаться, может «иметь место быть». Если таких мест нет, если за ними не ухаживают, не берегут их как зеницу ока, то Общество обречено на безжизненное существование вне Времени и Истории, Свободный Дух здесь не завет. Таким образом, можно утверждать: Беларусь, осознающая свою основную философскую проблему, стоит перед необходимостью решения целого комплекса задач по созданию действительности и экрана интеллектуальной работы, выращиванию, поддержке и воспроизводству структур интеллектуальной коммуникации и интеллектуальных элит.

Социокультурный журнал: задачи и установки

Сформулированные выше задачи достаточно определены, на мой взгляд, задают возможные роль и назначение журнала гуманитарного направления в Беларуси. Отмечу два наиболее значимых для меня типа задач, которые возникают перед подобного рода журналом:

1) культурная задача создания и структурирования экрана интеллектуальной работы, задания его максимально «верхних этажей»;

2) социальная задача соорганизации интеллектуальных сил республики в работе по созиданию действительности гражданского общества. Обе эти задачи задают особую рамку социокультурности, которая определяет условия существования и функционирования интеллектуального журнала.

К сожалению, однако, приходится констатировать, что на сегодняшний день в Беларуси нет ни одного журнала, который бы отвечал масштабу названных задач. Для тех, для кого основная философская проблема Беларуси является рамкой личного само-

определения, такая ситуация, впрочем, есть лишь необходимый повод для запуска и разворачивания работ по промысливанию, проектированию и реализации идеи социокультурного журнала.

Первые трудности

Фиксация социокультурности в качестве объемлющей рамки, неизбежно порождает весь современный комплекс связанных с ней проблем. Социум, в ее горизонте, более не может выступать аренной сменяющей друг друга событий и ситуаций, в которых балом правят страсти и воля, не знающая себя, а Мышление расстается с иллюзиями и претензиями на замкнутую самодостаточность, рафинированность, гомогенность и монологичность.

Однако, в нашем случае первый вопрос может быть сформулирован просто: как возможен социокультурный журнал в стране, где действительность общественной жизни приходится рассматривать с увеличительным стеклом? Действительно, как совместить культурную рафинированность и остраненность с социальной ориентацией на актуальность и ситуативность, причем в такой достаточно традиционной форме как журнал? Отсутствие прототипов делает ситуацию проблемной по-настоящему, препятствует задачному оформлению проектной идеи журнала.

Новый комплекс вопросов выявляет рефлексия, скользящая к журнальности формы. Наверное, здесь основная проблема - это проблема целостности и внутреннего единства. Действительно, что придаст журналу целостность и органическое единство, не позволит «развалиться» в набор, пусть даже очень умных, но замкнутых в своей самовыраженности статей? Может ли в качестве основы единства выступать какая-то одна ценностная или тем более програмно-целевая ориентация? Как задать в журнальной форме структуру по-настоящему интеллектуальной коммуникации? Как задать диалог логики и логику диалога?

Помимо этого возникает еще целый ряд специфических вопросов. Например, чем и как задаются рефлексивность, диалогичность и перформатив текстов в журнальной форме? А ведь без них совмещение культурности и социальности становится иллюзией и даже хуже того, просто дурным тоном. Как бороться с «зараженностью» и «превращенностью» социального языка, когда слова нельзя произнести, чтобы не соврать? Какую роль во всем этом играет стиль и в какой рамке это можно обсуждать? Где обсуждать художественные особенности и эстетику? Вопросы, вопросы...

Что такое «журнальность журнала»

Под градом вопросов и проблем начинает растворяться вещная очевидность журнала. Журнал как вещь перестает быть очевидностью, задавая прототипами. Поэтому дальнейшее продвижение в промысливании идеи интеллектуального журнала требует фиксации еще одной рамки в зазоре между которой и рамкой социокультурности лежат, на взгляд, некоторые из вышеуказанных проблем. Имеется в виду рамка вещиности, в которой журнал может мыслиться и существовать как вещь, а не как «экран» «инструмент», «рупор», «коллективный агитатор и организатор» и прочее, т.е. предполагается некоторое внутреннее отношение к самому себе как журналу, а не внешнее выражение функции чего-то иного, что есть сама вещь. Это рамка авторефлексивности вещи, «журнальности журнала», если угодно.

Наверное, можно было бы вопрошать «журнальность журнала» так, как когда-то Мартин Хайдеггер вопрошал «чашечность чаши». Но я не Мартин Хайдеггер, «журнальность» меня интересует постольку, поскольку необходимо совершить переброс проблематики из рамки социокультурности в рамку вещиности.

Ведь на самом деле, что имеется в виду? Журнал - вещь вполне определенная и заданная. Заданная своим жанром и формой, представлениями о допустимом и недопустимом, издательскими и журналистскими стандартами, шкалой профессионализма и др. Есть совершенно определенные и очевидные вещи, которые сами по себе могут быть малосодержательными или бессодержательными, но которые могут, тем не менее, приобретать содержание в контексте целого в контексте авторефлексивного отношения всей вещи к самой себе. Скажем, ясно, что у журнала должны быть название, обложка, рубрики, могут присутствовать иллюстрации, графика, рисунки, символы прочее. Все это выполняется в определенных манере, стиле или стилизации, которые наряду с содержательными связями также задают некоторое единство и целостность вещи, задают пространственность журнала и структуру мест, в которые помещаются публикуемые материалы, которые благодаря этой структуре утрачивают монадность, автономность и самодостаточность, могут вступать в Переключку Диалог, Игру с другими материалами, начинают каким-то образом, через целое, относиться к самим себе

В принципе, все эти вещи можно посчитать избыточными, излишними для рефлексии, но я считаю, что без обсуждения этих вопросов журнал по-настоящему невозможен, тем более журнал интеллектуальный и социокультурный. Пространственность журнала, стилистические и жанровые приемы инте-

ресны именно как потенциально содержательноресущие в контексте целого, как то, на чем в принципе можно задавать отношения рефлексивности, диалогичности, перформатива и игры, как то, что можно использовать в борьбе с «зараженностью» и «превращенностью» социального языка, в борьбе с натурализмом мышления и т.д.

Как, например, можно задавать отношение рефлексивности в названии периодического издания? Попытаюсь выразить это, может быть неудачно, на простом примере. Для меня, скажем, название газеты БНФ «Свабода» свидетельствует скорее о нерефлексивности и натурализме мышления издателей. Воистину, надо слишком серьезно к самим себе относиться, чтобы присвоить себе имя «Свабода», которую в принципе присвоить нельзя, которая в пространстве фактов вообще не лежит. Однако, уже минимальное изменение названия начинает «играть», создает определенный «объем»: «Площадь Свободы». Возникает остраненность, разотождествляются место и его наполнение, указывается только на условие, на само место, где Свобода может являть себя. Возникает ряд исторических ассоциаций: Площадь Свободы старейшее место в Минске, место его исторической памяти, место откуда пошел город. Коллегиум иезуитов, монастыри бернардинцев, гостиный двор, бывший Городской театр - все это знакомо и дорого любому горожанину.

Наш отравленный социальный язык

О том, что язык не есть безобидное средство описания и изображения действительности люди начали догадываться довольно давно. Опасность, которую может таить в себе небрежное отношение с языком прекрасно понимал еще Конфуций. Он утверждал, ни много, ни мало, примерно следующее: «Когда слова утрачивают свое значение, народ утрачивает свою свободу». Следующий важный шаг, значение которого трудно переоценить, сделал Маркс в своем анализе «превращенных форм», привидений и фантомов товарного мира. Основная проблема, которая при этом высветилась, заключается в том, что «превращенность» не есть только языковая, логическая проблема - это еще и проблема бытия, налично существующего. «Превращенность» - это не чья-то «ошибка» в мышлении, а объективная форма воспроизводства общественных структур бытия. «Отравленность» социального языка появляется как следствие «отравленности» мира, например, в условиях отсутствия действительности общественной жизни, гражданского общества и т.п.

Осознаваться это начинает, однако, только в контексте программ развития мышления и деятельности. Конфликт процессов воспроизводства и развития причудливо отражается на структуре социального языка, порождает ряд странных гримас, специфических замещений и т.п., когда уже не ясно, что же значит то или иное слово. Например, президент в Беларуси - что это? Гримаса и фантом или явление и свидетельство, нарождающегося нового? Ясно, что в сегодняшней Беларуси не может быть президента, поскольку наличие последнего предполагает вполне определенный тип культуры, определенные механизмы власти и т.д. С этой точки зрения, Лукашенко, строго говоря, надо называть как-то иначе. А. М.Пятигорский в свое время предлагал ко всем социальным ролям в советском обществе прибавлять приставку «и.о.» (исполняющий обязанности). Себя он, в частности, называл «и.о. буддолога». В этом смысле, Лукашенко - это «и.о. президента», хотя с точки зрения определенных представлений о будущем к факту избрания президента в Беларуси нельзя не относиться серьезно. Таким образом, значения и смысл слов перестают быть проблемой дефиниций, а становятся функцией напряжения на полюсах генератора порядка, о котором шла речь выше. Указанная двойственность зрения порождает проблему самоописания общественной системы. Социальный язык более не может выступать средством такого самоописания, так как он сам становится ареной борьбы и взаимоотношений, активным участником истории.

Все это, на мой взгляд, имеет непосредственное отношение к идее социокультурного журнала. Действительно необходимость сохранить актуальность и включенность в ситуацию неизбежно порождает «превращенность» при всякой попытке анализа этой ситуации, но как это сочетается с требованием культурной рафинированности и остраненности? Как найти оптимальную степень участия и рефлексивности? Как подавать «горячие» социальные материалы, в каком свете?

В заключение повторю, что все эти вопросы можно было бы не обсуждать, если бы журнал не претендовал на заполнение максимально «верхних этажей» экрана интеллектуальных работ. Целью моих заметок было самое общее очерчивание содержательных полей и рамок, в которых может происходить поиск приемов и способов создания социокультурных форм журнальности, и если для кого-то эти рамки выступают как актуальное основание собственного самоопределения, я бы посчитал задачу этих заметок сверхвыполненной и просто пригласил бы всех заинтересованных к дальнейшим обсуждениям и дискуссиям.

Структура журнала, рубрики

0. Редакционные статьи
1. Магистратура
2. Анализ ситуации (*события месяца: комментарии и критика*)
3. Коммуникативные игры
4. Институты открытого общества (*сферы и институты*)
5. Новости культуры (*хроника культурной жизни*)
6. Образование
7. Кто есть кто (*портреты*)
8. Галерея (*галерея истории*)
9. Школа белорусского языка
10. Ex libris
11. Панорама философской мысли (*европейская традиция, переводы*)
12. Сообщения и заметки
13. TESTIMONIUM PAUPERTATIS
14. Аннотации и критики